

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ОЛЬГА НИКОЛАЕВА

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ

Ольга Николаева

Занимательная геометрия

«Автор»

2015

Николаева О.

Занимательная геометрия / О. Николаева — «Автор», 2015

Денис Дмитриев замечательно жил в своем небольшом «царстве» на северной окраине страны. Отличная должность, хороший доход и никаких проблем на личном плане. Ему казалось, что совсем никаких. Вероника ехала в командировку, мечтая о том, чтобы поездка закончилась как можно быстрее. Чтобы вернуться к любимому мужчине и жить с ним дальше счастливо и спокойно. Эти две параллельные прямые никогда не должны были пересечься. Но по воле случая пересеклись, заплелись в какой-то сложный многоугольник. Что может быть общего у девушки-стажера и директора целого филиала? Ничего, кроме его квартиры, его внимания и их общего отчаянного одиночества. Содержит нецензурную брань.

© Николаева О., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	42
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ольга Николаева

Занимательная геометрия

В оформлении обложки использована фотография автора [Kruchenkova](#) «Young couple in winter park» с <https://depositphotos.com>

Глава 1

Идиотская ночь. Идиотская ситуация. И вообще, все, что происходило в последнюю неделю, да и за месяц до того, было абсолютно дурацким.

Но сегодня все звезды, похоже, сошлись, чтобы вывести Дениса из равновесия.

Он не любил опаздывать. Нет, не так. Он терпеть не мог отсутствия пунктуальности и гордился своим умением всегда оказаться вовремя в назначенном месте. Желательно – с запасом.

Сегодня же, все было не так, как надо: сначала на спокойной, ничем не загруженной улице встала авария. Теплотрасса, прорвавшаяся в начале зимы – картинка, обычная для любого города нашей необъятной страны. Но почему так не вовремя?!!

Денис потерял на объезд лишние двадцать минут, а потом наварался на гайцов, по-новому "Дэпсов", которым душно потребовалось проверить документы. Ну, кого можно ловить в три часа ночи воскресенья в забытом Богом городе, в котором и движения-то нет?

Поэтому сейчас он безбожно опаздывал, неся на всех парах, но уже точно знал – не успеет. Чувствовал, как в груди нарастает ком раздражения, в первую очередь – на себя. За то, что расслабился и упустил такую "мелочь", как приезд "помощника". Так его, кажется, называли в официальном письме. А Денису абсолютно не были нужны никакие помощники, кроме тех, что он выбрал сам. Он замечательно управлял своей вотчиной, делал то, что считал необходимым и правильным, добивался первоклассного результата в местах, где остальные ломали копыта и зубы. Во всяком случае, до последнего был уверен в этом.

А потом всё пошло наперекосяк. С какого-то перепугу, высокое начальство, сидящее в Москве, решило, что у Дениса Дмитриева, директора, мать его так, Северного филиала, лучшего директора за последние пять лет, остановилось развитие. И ему необходим, просто как воздух, внешний консультант. Это у них так называлось. Только Денис Игоревич прекрасно знал, что это, на самом деле, означает. Соглядатай, ревизор, проверяющий, стукач, чей-то сынок, метящий на теплое место: что угодно, только не консультант и, тем более, не помощник. В их бизнесе помощь просто так не предлагают.

Первая ласточка прилетела с месяц назад, когда шеф, курирующий все северное и уральское направление, начал запрашивать отчеты, о которых никогда не вспоминал. Денис отправлял их, нисколько не волнуясь: в его подразделении всё шло просто великолепно. У него иначе не бывало. Поинтересовался только – как часто, и постоянно ли нужно предоставлять эти сведения? Было совсем не трудно, да только времени жалко. Шеф промямлил что-то невразумительное, а на следующий день выслал извещение о том, что в штате у Дениса произойдут изменения.

Нового сотрудника еще подбирают, как только определятся с кандидатом – ему тут же станет известно. Стоит ли говорить, что, как только стала известна фамилия, ее "пробили" и проверили по всем каналам? Начальник службы безопасности хлеб свой даром не ел и времени не терял: он играл в команде Дэна, и готовился к "татарскому нашествию" вместе с ним. Нашествие было названо так не зря: фамилия "засланца" была нелепой и смешной – Татаринов.

Таким же смешным и нелепым казался выбор центрального руководства: Татаринов успел прославиться по всем округам своей глупостью, страстью к развлечениям и ленью. Похоже, что парня держали исключительно по какой-то прихоти. А может быть – из-за близкого родства с кем-то, приближенным к Генеральному. Этот вопрос так и остался нерешенным.

Но команда Дениса и не стремилась его решать – все расслабились. Выяснили, на какие мозоли давить, чем порадовать, куда сплавить, чтобы под ногами не путался, и забыли о Татаринове до самого его приезда.

А за три дня до назначенной даты все переменялось: поступило сообщение, что приезд "консультанта" отменяется. Денис на пару минут задумался, в чем причина – где-то лопухнулся парень по-крупному, или нашли для него более мягкое кресло? Это было, в целом, неважно. Он скомандовал "отбой" всем приготовлениям и просто-напросто забыл, как не стоящий внимания инцидент. Других забот хватало. Может быть, и нашел бы время, чтобы связаться с шефом и выяснить подробности, но того занесло в такие дали необъятной Родины, что связь была невозможна: её там просто не было.

Оттого неожиданной стала СМС, пришедшая во второй половине дня, а прочитанная – ближе к полночи воскресенья. Не привык он читать СМС-ки, там всегда одна ерунда валится, и на эту наткнулся случайно – просто память почистить решил.

А прочитав, озверел: "5 ноября, в 2:40 приедет подмена Татаринову. Величко В.В." Вот так, коротко и ёмко. Не считая, что пятое – завтра, вернее, уже почти сегодня. И этого Величко нужно встретить с поезда и где-то разместить. Какая радость-то, в воскресенье!

Дэн терпеть не мог дёргать людей по выходным, потому что требовал полной отдачи по будням. Было бы известно чуть ранее – приготовился бы, заказал такси, в компании с встречающим водителем. Но, примета захолустного городка, диспетчерская служба по выходным такие заказы не принимала.

Охренительная честь, конечно, – быть встреченным самим директором филиала... И, при другом раскладе, вряд ли бы этот "В.В." её удостоился. Но вариантов не оставалось.

Хуже другое: этого упавшего на голову товарища необходимо куда-то поселить. И точно – не в местную гостиницу. Там всего десять номеров, и те – вечно занятые. А еще там нет горячей воды и питания. В общем, заледенелый барак с платными койками. При всем желании насолить новому коллеге, на такую мерзость Дэн не пошел бы. Да и не по статусу сотрудникам огромного холдинга жить в этом сарае. Это уже для него, "лица" компании на местном уровне, важно.

И снова остался один только выход: поселить на время у себя. Благо, в трехкомнатной квартире места для двух мужиков достаточно. Опять же, подержать врага немного под прищмотром – только на пользу. А в том, что это враг, Дэн не сомневался. Воевать он привык, и считал, что приемлемы любые способы. Иначе никогда бы не достиг того уровня, до которого дошел, и останавливаться не собирался.

Главное, что бесило: его загнали в ситуацию, где нет выбора, и ничто от его желаний и решений не зависит. А он этого не любил, не привык, и привыкать не собирался.

Оставалось верить, что выдержки хватит на то, чтобы не сорваться на неожиданном госте и не наорать в первую минуту встречи. Поэтому последние километры дороги, оставшиеся до перрона, он старательно внушал себе, что нужно успокоиться. Время вылить свой гнев и недовольство еще придет. А показывать себя идиотом и неврастеником будущему врагу при первом знакомстве – самое нелепое, что можно придумать.

В помещении полутемного убогого полустанка (вокзалом язык не поворачивался назвать) никого, похожего на встречаемого пассажира, не было. Это стало ясно с первых минут осмотра. Так, престарелая парочка с тремя битком набитыми котомками (эти ждут раннюю электричку); дежурный, вяло шатающийся от стены к стене; нетрезвый мужик с мутным взглядом, пристающий к продавщице в киоске; два подростка с огромными чемоданами, дремлющие на стульях, и еще один – сидящий немного в стороне, но с таким же огромным баулом. Явно, все трое из одной компании, просто один отбил, что нередко случается в их возрасте.

Ярость Дениса набирала мощь и обороты: хотелось послать ко всем чертям этого Величко, позвонить шефу и сообщить, что ему совершенно не по кайфу разыскивать в ночи незваного гостя. А если он вообще не приехал? Или проспал и не вышел вовремя на нужной станции? Здесь остановка-то была всего на три минуты, насколько было известно Дэну. И что

теперь оставалось делать? Наверное, шефа будить, без вариантов. Сидеть в промозглом помещении и ждать у моря погоды совсем не улыбалось...

Денис еще раз, на всякий случай, осмотрелся, и потянулся за телефоном. Поймал на себе чей-то пристальный взгляд, отвернулся (Чего пялятся? Мужиков в дорогах дубленках не видели, что ли?).

Решил перечитать сообщение – может быть, что-то важное упустил? Естественно. В СМС, следующей за шефовой, присланной с незнакомого номера, значилось: "Здравствуйте. Это мой номер. Мне сообщили, что Вы будете меня встречать".

Чертыхнулся (как не обратил внимания, а главное – не стёр, как спам?), и уже через секунду нажимал вызов. Тишина. "Абонент вне зоны действия". Да что такое происходит-то? Вроде бы, не апрель, чтобы разыгрывать...

Не веря в то, что с ним (с Дмитриевым Денисом!) такое может происходить, снова попытался дозвониться. Тот же результат. Он хмуро рассматривал трубку, раздумывая: "А не выбросить ли её ко всем чертям? Может, станет полегче, злость выплеснется?", когда рядом раздался тихий голос:

– Здравствуйте. Скажите, а Вы не меня, случайно, ищите? У телефона аккумулятор сел на холоде. Не могу ни до кого дозвониться.

– Вряд ли. – Надо же, какие наглые пошли барышни (ошибся, в одиночку сидел не подросток, а девушка, просто укутанная похоже)

– А мне, все же, кажется, что Вы – за мной. – С нажимом в голосе. Судя по прорезавшему металлу, не такая она и юная, эта барышня.

– А ты кто?

– Вероника Витальевна Величко. А вы?

Очуметь! К нему помощником прислали какую-то бабу! Шеф решил его до ручки довести?!!

И ладно бы – приличную женщину, а тут... Не пойми что! Дэну очень захотелось плюнуть или чертыхнуться. Какое-то недоразумение, в невзрачном пуховике, утепленных штанах и тяжелых кроссовках, с носом, упрятым в огромный шарф, и в серой вязаной шапочке, натянутой до самых глаз. Эти-то самые глаза, воспаленные, какого-то мутного цвета, без грамма косметики (а она бы тут ничего и не спасла), сейчас пялились на него в ожидании ответа.

Ах, да, презрительно оглядывая своё новое приобретение в штате, он и забыл, что нужно представиться в ответ.

– Дмитриев Денис Игоревич. – Не стал кривить душой и выдавливать из себя "Очень приятно", ни к чему это было, ни к чему.

– О, какая честь! Спасибо, что лично приехали. Мне очень жаль, что пришлось тратить Ваше время, да еще ночью. – Что-то ему показалось, что никаким сожалением в голосе этой Величко и не пахло.

– У меня выбора не оставалось. Не переживайте. Где Ваши вещи? Поехали. До утра нужно хоть немного поспать.

Она развернулась и потопала к своему огромному чемодану, чуть ли не в половину роста. Денис только хмыкнул про себя: "Женщины. Что с них возьмешь? И эта – туда же" Оставалось надеяться, что чемодан у нее только один, и это совсем не косметичка...

Пока он ухмылялся, это недоразумение ухватило за ручку, поправила ремень дорожной сумочки, висевшей через плечо, и вернулось обратно.

– Куда идти?

– За мной. – Поморщившись, забрал у нее ручку от баула, терпеть не мог, когда женщины в присутствии мужчин всячески демонстрируют свою самостоятельность, мол, сами справимся со всем. Ни фига они не справятся. Это он точно знал. Как возникнут реальные проблемы

– сразу бегут к мужикам за помощью, и забывают про всю свою независимость. От того и выглядят еще более жалкими.

Эта, как ни странно, безропотно уступила право нести неподъемную кладь и пошла следом, не пытаясь вырваться вперед; так же, без сопротивления, прошла в открытую перед ней дверь, выйдя, остановилась, пропуская мужчину вперед. Удивительно. Такого поведения Денис от неё не ждал. Обычно девушки подобного статуса забывали об элементарных вещах, и вечно куда-то гнали, неслись напролом.

До его красавца, черного "Прадо", дошли за пару минут, в течение которых девушка не вымолвила ни слова. Что тоже показалось необычным, однако, тут Денис решил – раньше времени обнадеживаться не стоит. Время придет, наверняка, еще себя покажет во всей красе...

Он, продолжая играть истинного джентльмена, открыл перед дамой дверь, придержал за локоть, помогая взобраться на подножку, закинул вещи в багажник, и только потом уже уселся.

За десять-пятнадцать минут, что были потрачены на поиски визитерши, салон остыть не успел, и девушка на глазах обмякла, оказавшись в тепле. Только сейчас Денис осознал, почему она была такая скукоженная, почти болезненно сутулилась – замерзла. Недовольно нахмурившись, он включил подогрев сидений, добавил температуру на датчике микроклимата.

– Если начнет слишком жарить со стороны... – Хотел сказать "задницы" – осёкся, вспомнил про воспитание. – Со стороны спины – скажите мне, я выключу.

Вероника, так её, кажется, звали, с благодарностью кивнула, стягивая шерстяные перчатки, протянула руки в сторону горячего воздуха, с видимым трудом распрямляя ладони...

– Вряд ли мне станет жарко сейчас. Чувствую себя мамонтом, даже представила, что они пережили перед вымиранием. – Шутит, значит, жить будет. – Сколько сейчас за бортом?

– Тридцать шесть. Потеплело. Днем показывало под сорокет.

Она передёрнула плечами:

– Бррр... Я рада, что приехала сейчас, а не днем. Это предел, или еще хуже бывает?

– Круче всего, говорят, в декабре. Ниже сорока пяти опускается. Но на моей памяти это было всего пару раз. Главное, чтобы ветер не поднимался. А так – жить можно.

– Это я понимаю. Как-то здесь люди живут...

Ему хотелось ответить, что не живут, а выживают, и при первой возможности стремятся уехать. Потому что, кроме холода, здесь почти ничего нет. И люди не знают, чем себя занять стылými зимними вечерами, ночами, днями... Поэтому спиваются или делают детей. Впрочем, одно другому не мешает. Денис уже успел понять, что в этом небольшом, бывшем гарнизонном городке, очень высокая рождаемость. А процент разводов и матерей-одиночек – еще больше. Но это было не очень важно. Разведенные женщины и матери-одиночки – не их целевая аудитория. Они строили для молодых офицеров и их семей, а еще – для тех, кто приехал "оживлять" это Богом забытое захолустье. Государство, однажды решив, что городок еще нужен живым и не разрушенным, решило создать инфраструктуру – новые сады, школы, больницу. А еще – развлечения. Кинотеатр и торговый центр – мелочи. А вот аквапарк в городке, который и бассейна-то никогда не видел, – это просто верх крутости. Кто-то, похоже, искренне верил, что все это поможет удержать молодежь от возвращения в центр.

На сколько это все влияло на "оседлость", Дэн как-то не очень интересовался, ему хватало знания: дома строятся, квартиры покупаются, и не только для военных частей, спрос растет. И на век его филиала этого спроса хватит. Плюс коммерческая недвижимость, которая давала гораздо больший выхлоп, чем тендерные госзаказы... Ему хотелось об этом сказать, но – промолчал. Зачем ей это? Она проживет здесь каких-нибудь пару недель, максимум – месяц, а потом запросится обратно. Такие здесь не выдерживают. Смысл на нее время и слова тратить?

– Куда мы едем? Где я буду жить?

– У меня. И едем сейчас в мою квартиру.

Тишина. Похоже, переваривает. Вот так, дорогая, никуда не денешься. Может, взбрыкнет и потребует вернуть её на вокзал, чтобы купить обратные билеты?

– Что, всё так плохо?

– В каком смысле?

– В филиале не хватает денег на аренду квартиры? Мне же сказали, что все готово, и проблем с проживанием не будет.

– Было. Все было готово, пока не пришла отмашка всё отменить. Мы ждали Татарина, и жилье для него сняли. А когда узнали, что он не приедет, договор пришлось расторгнуть.

– И что теперь с этой квартирой?

– Не знаю. Скорее всего, уже сдали. Здесь очень сложно со съемным жильем. Я сам два месяца маялся, пока мне просто не выделили одну из непроданных квартир в нашем новом доме.

– А с гостиницей тоже беда?

Дэн усмехнулся про себя: "А может, и правда, сплавить её в местный "отель"? Глядишь, сама быстрее отсюда свалит..."

– Хотите попробовать – каково это, мыться по очереди со всеми клиентами, занимая с пяти утра? Если так страшно у меня остановиться, могу организовать...

Она поморщилась.

– Я представляю, что это такое. Просто не хочется мешать и навязываться...

– Пару дней переживу. А потом уж найдем что-то подходящее...

Доехали молча. Она больше не задавала никаких вопросов и ничего не рассказывала. Денис тоже предпочел не ввязываться в беседу. Успеют наговориться. Кроме того, ни одна женщина долго не выдержит пытку тишиной, и эта когда-нибудь заговорит. Причем, о самом насущном. Не зная о ней ничего, этого и добивался.

Так, перебрасываясь ничего не значащими фразами, добрались до третьего этажа, он открыл дверь, пропустил гостью вперед. Помогая снять куртку, взвесил её на руках, снова снисходительно хмыкнул:

– Спортивная? Здесь такая не спасёт. Она держит тепло только при движении. Постоишь минут десять – околеешь.

– Я уже поняла. Просто не было времени найти что-то более подходящее. Собиралась за два дня.

– Ты не знала, что тебя сюда направят? – В удивлении не заметил, как перешёл на "ты", но её это, похоже, не задело никак.

– Говорю же, за два дня сообщили. Поставили перед фактом: отправили билеты покупать, и дали один выходной, на сборы.

– Понятно. – Что ни черта не понятно. Ладно, с Татаринным еще можно было угадать, понимая, что это протекже, а при желании – найти, чей именно. А это что за утка такая подсадная? И чего от неё можно ждать? Сейчас, по большому счету, нечего: стоит вон, шмыгает носом и трясется.

– Ладно, о работе поговорим потом. Четвертый час ночи. Сейчас тебя чаем горячим напою, а потом – в люльку. Вставать ни свет, ни заря, не до разговоров.

Она послушно прошла за ним в комнату, которую Дэн до этого на бегу освобождал для постояльца. До этого почти не использовал – так, только в качестве спортзала. Но диван там стоял, большой и практически "нулевой".

– Жить пока будешь здесь. Постельное белье и остальные принадлежности приготовлены. Если что-то еще нужно – говори, не стесняйся. Располагайся, давай, а я пойду, чайник поставлю.

Чайник уже давно вскипел, и бутерброды лежали, нарезанные. Что еще можно предложить девушке в такое время, плохо представлял, а потому не заморачивался. А она куда-то пропала. Прождав еще пять минут, Денис не выдержал и отправился на поиски.

Дверь в комнату осталась открытой, как и была, а Вероника сидела по-турецки над раскрытым чемоданом и просто пялилась на его содержимое. Красота! Он её ждет в ночи, а она, понимаешь, медитирует...

– В чем дело?

Девушка обернулась на голос:

– Да вот, сижу, туплю. Пытаюсь вспомнить, зачем сюда полезла. Сплю на ходу.

– Ясно. Переодевайся и приходи. Может, потом сообразишь. Не теряй времени.

Едок из нее оказался никакой: Вероника больше обнимала кружку пальцами, явно пытаясь их согреть, да аккуратно отщипывала микроскопические куски от булки. К сыру с колбасой не притронулась. А вообще, похоже, спала на ходу.

– До сих пор не согрелась?

– Нет. Ощущение, что я двое суток в холодильнике. Сначала три часа на вокзале в Москве, потом в этом поезде... Вроде, фирменный, а дует из всех щелей. И эти двадцать минут на перроне добили окончательно. Хорошо, какой-то рабочий, добрая душа, подсказал, что здесь есть помещение. Так бы и стояла.

Кольнуло неприятное ощущение – по его вине девушка торчала на морозе, и не двадцать минут, а гораздо больше. Он видел часы, когда её забирал.

– Извини. Я планировал приехать заранее, да не сложилось.

– Да я тебя не виню. Если бы трубка не сдохла, обязательно позвонила бы. А так...

Проснулось любопытство:

– А если бы я вообще не приехал? Шанс был очень высок... Мог просто не увидеть сообщение.

– Я уже подумывала взять билет в обратную сторону. Решила еще полчаса подождать. Превращаться в сосульку черт знает где – не очень хорошая перспектива.

– И не страшно было бы послушаться приказа?

– А почему – "послушаться"? Я же приехала. Все, как положено. А если здесь никто не ждал, как было обещано, то, какие ко мне претензии?

– Даже так? Ты такая смелая? Или настолько должностью не дорожишь? – Может, сейчас расколется и выдаст что-нибудь вроде "мне ничего не грозит, у меня папа в главном управлении сидит", ну, или муж, или не в управлении, а близко к нему.

Но девушка снова удивила: глянула очень твердо, с вызовом, губы поджала, бровью дернула. Не понравился вопрос...

– Не такая и смелая, и работой дорожу, но, извини, у нас не крепостное право, и, если я здесь на хрен никому не нужна, то могу и другое место подыскать. Я не девочка на побегушках, чтобы забросить к черту на кулички, а потом забыть. Умолять, чтобы вспомнили, поверь, не стала бы.

Вот и характер прорезался, а к нему – недовольство и ситуацией вообще, и его опозданием – в частности. "Не девочка", говоришь? Да похоже, что именно она и есть, раз так легко поддаешься на провокации...

– Понятно. Как видишь, на такие крайние меры идти не пришлось. Ты здесь, а завтра идем на работу. Теплее стало?

– Немного.

– Ясно. Будем предпринимать радикальные меры. – Он встал из-за стола, двинулся в её сторону. Девушка ощутимо напряглась. – Да не пугайся ты. Коньяку сейчас налью. Должен помочь.

Достал из верхнего шкафчика пузатый бутылёк, щедро плеснул в обычный стакан (не до церемоний)...

– Пей. Залпом.

Она подержала в руках, принялась, лицо перекосило (какие мы нежные... двенадцатилетний коньяк предлагают, а она морщится, какая цаца выискалась)...

– Я не пью коньяк, мне от него плохо будет...

– Я сказал – пей. Лечить потом от соплей не буду, если чем посерьезнее не накроет. Давай, как лекарство.

Она зажмурилась и вылила в себя всё, что было в стакане, одним большим глотком. Как её перекорёжило – стоило посмотреть, будто не благородный напиток, а какую-то водку палёную хлебнула. Выдохнула, широко распахнув глаза...

– Фу, какая гадость... Но реально греет. Спасибо.

Щеки зарозовели на глазах, а взгляд поплыл – подействовало. Теперь срочно довести бы её до постели, а то, невзначай, так здесь и завалится...

– А можно мне в душ сходить? – О-па! Неожиданно, однако. Так же, как и взгляд, просяще – жалостливый.

– Вероника, какой тебе, нафиг, сейчас душ? На горшок – и баиньки. Давай, отведу. Тебе спать осталось часа два от силы.

– Ну, я очень туда хочу. Почти трое суток в дороге, представляете? – Заметил, как время в дороге увеличилось на сутки (до этого говорила про двое), как и то, что снова перешла на "вы". Похоже, захмелела больше, чем требовалось...

– Утром сходишь. А теперь – спать. Не шучу. Завтра к десяти в офис. И никаких опозданий.

Реально, за руку довел до комнаты, дальше обещала справиться сама...

В эту ночь он решил не ложиться – какой смысл? Оставалось каких-то три часа, четыре – максимум. Только насиловать мозг и тело. Да и не впервые было переживать такие бессонные ночи, знал, что справится. Предпочел потратить время на то, чтобы поискать информацию – ту, которой не было совершенно. А про неожиданную гостью необходимо было что-нибудь знать. Дмитриев Денис потому и славился умением побеждать, что никогда не начинал борьбу неподготовленным. Мало знать о том, на что способен ты сам, гораздо важнее иметь сведения о противнике.

А эта девочка, хоть и казалась мышью серой, была не так уж проста. Об этом вопила интуиция, хоть мозг и пробовал убедить в обратном. Что тут, казалось бы, опасного? По сравнению с ним, эта девочка – просто ребенок, слабый и неопытный. Таких можно пачками на завтрак есть. Не запивая. Но что-то проскальзывало в ее интонациях, мимике, гордо вздернутой голове (когда вспоминала, что её нужно именно так держать)... Говорящее – ни черта она не мышь, и даже не котёнок. Кто? Время покажет, но где-то у нее точно спрятаны и коготки, и зубки. И лучше их заранее обточить...

Он подключился к локальной сети компании и попробовал поискать документы, содержащие имя Величко В.В., но никаких упоминаний не было. К личному делу доступ закрыт даже у него, нужно делать специальный запрос. Но, в принципе, это не горело – попросить характеристику и данные о карьере в холдинге можно и в понедельник.

Он увлекся чтением новостей, потом переключился на документы, отложенные до лучших времен, потом опомнился – глядя на часы, показывающие почти шесть утра, отправился в душ.

Выходя из ванной комнаты, услышал противный писк – в его квартире не было ничего, что могло бы издавать такие звуки... Даже будильник был установлен с классическим звонком – потребность в других извращениях не возникала.

Писк доносился из комнаты гостьи, не прекращаясь. Удивительно, как можно спать под такое сопровождение... Но, вспомнив, сколько ей было отведено на сон, и при каких обстоятельствах укладывалась, сообразил: ей сейчас хоть из пушек стреляй, вряд ли поднимется.

Наплевав на приличия и ложную скромность, решил помочь. На всякий случай, аккуратно постучал, не услышав ответа, приоткрыл дверь – ровно на столько, чтобы успеть закрыть, если увидит что-нибудь лишнее. Нет. Из-под одеяла торчала только макушка и рука, плотно зажавшая телефон, замолчавший на время. Через три секунды снова раздался писк. Затем недовольное ворчание, взгляд одним приоткрытым глазом на экран – снова выключила, но так и не проснулась.

Похоже, придется вмешиваться... Что им двигало сейчас? Желание отключить противную пищалку? Возможно. Но, скорее, понимание, если не помочь – она сегодня не встанет и на работу не явится. А этого Денис позволить не мог. Раз приехала – пускай работает и доказывает свою необходимость на филиале.

– Вероника, подъем! Вставай, иначе опоздаем!

Тяжкий вздох в ответ показал, что она уже не спит и понимает, что разговаривают с ней.

– Аллё! Подъём!

– Да слышу я... Уже проснулась. Только встать никак не могу себя заставить. – Ещё один вздох. – Уже поднимаюсь. – Тихий, с утренней хрипотцой голос, несчастные, детские интонации – это могло растопить лёд в сердце любого, даже самого строгого шефа. Только не его, и не с этой дамочкой. Ситуация не та. Чем сильнее её замучаешь, тем быстрее свалит к себе домой, прекратит путаться под ногами.

– Я пошел? Или нужно проконтролировать?

– Нет. Встаю.

Дальнейшее представление было весьма забавным. Она перевернулась вокруг себя раз пять, поочередно вытягивая руки, ноги, выгибаясь не только спиной, но и всем телом. Утренняя гимнастика без отрыва от постели. Наконец, села, запутавшись в одеяле, потеряла глаза... Дэнэу пришла мысль о том, что перед ним, по сути, еще ребенок – слишком уж по-детски себя вела, позабыв, что в дверях стоит и любитесь мужчина. Или не забыла, и все это – осознанно? Хрен их, женщин, в этом разберешь...

– Ты еще здесь? Да все уже, я проснулась. Господи, за каким чертом меня сюда занесло? Мне вообще обещали отпуск... Отдохнула, блин...

Он не уходил, ожидая дальнейших действий.

– Выйди, пожалуйста, мне одеться нужно.

Вот, теперь можно считать, что в сознание пришла. Если до этого не прикидывалась.

– Ухожу. Ванная комната свободна. Время на душ еще есть. Если не уснешь снова.

В ответ – короткое "спасибо" и ничего больше.

Денис готовил завтрак и обдумывал создавшееся положение. Идея держать врага "при себе", на глазах, обернулась массой сложностей. Во-первых, жить вдвоем с сотрудником одного пола – нормально, с противоположным – какая-то фигня. Сразу поползёт масса толков и пересудов. А истина откроется сегодня же, через пару часов, как только кто-нибудь задаст первый вопрос о том, где её поселили. И не соврешь – город слишком маленький.

Но даже это не такая проблема – сплетни умрут сами собой, если их не поддерживать и правильно себя вести... Другая сложность: Вероника выглядела безобидной и даже, временами, слабой. Это притупляло бдительность. Придется все время себя настраивать на то, что не нужно её жалеть и помогать, что она – такая же, как и все. Будь на ее месте мужчина, даже мысли не возникло бы дать ей выходной, чтобы придти в себя после дороги. А тут, надо быть честным, закралась...

Она снова умудрилась удивить: на сборы потратила меньше часа. Дэн еще дожаривал омлет, а Вероника уже появилась на кухне, чистая и свежая, будто и не было трудной бессонной ночи.

– Чем-нибудь помочь?

– Можешь налить кофе. Кружки на стойке. Или предпочитаешь чай?

– Нет, сегодня – только кофеин, желательно, пару литров. – Надо же, еще и улыбается...

Дэн по утрам улыбаться не любил, впрочем, как и днем, и вечером – тоже.

– По тебе не скажешь, что еле поднялась.

– Погоди, это первые пару часов. А потом начну зевать и говорить всякую чушь. Поэтому, лучше сегодня пить кофе, и побольше.

Сидя за столом и накалывая вилкой кусочки незамысловатого блюда, он пытался понять – как сейчас ко всему этому относиться? На его кухне женщины не завтракали уже лет пять. Ночевали – да. Иногда он приносил им что-нибудь попить в постель. Перед этим ужинали. Совместных завтраков не было ни с кем. Редкие приезды жены не считаются. Он её за женщину много лет уже не держал. Редкая расчетливая стерва – да. Умная, хитрая, опасная – конечно. Единственная, сумевшая сделать из него идиота – несомненно. Однако, после всего, она перестала быть женщиной в его глазах. Так, досадная помеха. Которую избегал по мере возможности, стараясь свести все контакты на нет.

А теперь за его столом сидела незнакомка, о которой известно только имя, фамилия, пол. И то, что от неё можно ждать чего угодно. Все. И эта незнакомка, непонятно как уловившая смену его настроения, сейчас молчала и задумчиво рассматривала края кружки. Глаз не поднимала. Стеснялась, что ли? А он не стеснялся – рассматривал.

Ничего не скажешь, сегодня, умытая и причесанная, без вороха теплой одежды, она выглядела симпатичной.

Правильной формы овал лица, брови – аккуратными дугами, высокие скулы, темно-русые волосы, почти черные, отдающие легким золотом, собранные в высокий хвост... Обычная, наверное, без всяких наворотов, которые вечно выдавала жена... Вот так, он уже перестал даже в уме называть её по имени...

Вероника, чувствуя на себе его задумчивый взгляд, начала розоветь – сначала слегка загорелись щеки, потом – маленькие уши, за которые она то и дело убирала оставленную прядь, потом – шея, почти целиком скрытая воротником теплого свитера... Он заметил всё это, но глаз не отрывал – хотелось понять, как долго выдержит.

Реакция не заставила долго себя ждать, девушка не справилась, подняла глаза:

– Что-то не так? Я плохо выгляжу? Косметика потекла?

Он не заметил на ней никакой косметики.

– Все так. Пытаюсь понять... У тебя глаза какого цвета?

Ждал, что смутится, а она рассмеялась:

– Не парься. Это невозможно угадать. В основном, зависит от одежды. Сейчас, наверное, бирюзовые, да?

– Я в таких тонкостях не секу. Вчера были мутные, сегодня – синие.

– Погоди, шарф завяжу, станут зелёные. А вообще, серые, наверное... Я до сих пор не поняла...

С губ чуть не сорвалось "тогда нужно проверять совсем без одежды", вовремя заткнулся. Что-то сегодня не туда несло. Это же коллега. Разве с ней нужно о такой ерунде говорить? Совсем ни к чему...

Позавтракали и собрались на выход тоже как-то очень споро – пятнадцать минут, и все готовы.

Всего одна маленькая заминка – Вероника ойкнула и метнулась в комнату, вернулась уже с сапожками в руках. Зачем-то пояснила :

– Не пойду же я в офис в зимних кроссовках. Наверное, не поймут. – Как будто ему было дело до её обуви. Хоть босиком, только чтобы без вероятных последствий в виде простуды.

Сегодня, в том же пуховике, но в нормальных брюках и на невысоком каблук, она уже не выглядела закутанным подростком. В глаза бросилась и стройность и фигуры, и аккуратная попка. Пришлось одергивать себя на неуместных мыслях, тут же и оправдание нашел: "Просто давно секса не было. Как – то не до того.."

Она уже дернулась к двери – остановил:

– Шапку надень. Здесь форсить глупо и бессмысленно.

Она с сожалением глянула в зеркало на свой приглаженный хвост, протянула:

– Ненавижу шапки... – Но опять послушалась.

На работу приехали очень удачно – минут за пятнадцать до того, как началось столпотворение спешащих сотрудников. Похоже, никто и не заметил, что шеф явился не один, а на пару со спутницей. Рано или поздно, все равно увидят, но лучше поздно, чем сейчас.

Звякнул Алексею – начальнику безопасности, приказал выписать пропуск и принести его лично. Познакомил, сообщил, что Вероника Витальевна – и есть тот самый долгожданный консультант, передал её с рук на руки, и благополучно отчалил по делам в администрацию. С коротким напутствием "Осваивайтесь. Вернусь – поговорим". Предпочел не отвечать на удивленное "А как же представить?" со стороны Алексея, и сделал вид, что не заметил, как она напряглась в раздражении. Очень короткий взгляд, исподлобья, рассказал всё, что девушка сейчас о нем думает. Правда, она быстро его притушила. Но Денис поймал – и усмехнулся, про себя, довольно: этого и добивался.

Хотел дать понять таким отношением – невелика важность у птицы, чтобы не зазнавалась. Дискомфорт – состояние, в котором человек совершает ошибки и допускает слабости. Он уже в этом состоянии пребывал, начиная с воскресного вечера, теперь – её очередь.

Возвращался из администрации с надеждой, что найдет Веронику у дверей своего кабинета – недовольную и злую, взгляд на прощание именно это и предвещал.

И немного расстроился, встретив её у кофейного аппарата, среди стайки парней, что-то очень живо обсуждающую. Дискомфорта, судя по веселому голосу, не было.

Пришлось рыкнуть на мужиков (до обеденного перерыва еще сорок минут, нечего тут прохлаждаться), а девушку одарить грозным взглядом, и не менее грозным:

– Я смотрю, Вероника Витальевна, Вы уже все дела сделали, раз назначили себе перерыв.

– Нет, Денис Игоревич, мы только начали знакомиться с проектным отделом, и парни любезно познакомили меня с кофейным аппаратом. Если я Вам сейчас не нужна, то мы продолжим.

Понятное дело, ему она совершенно ни к чему, будет только мешать и отвлекать от важных мероприятий. Поэтому оставалось только царственно кивнуть и отпустить восвояси. Чем она и воспользовалась, с превеликим удовольствием, ярко выраженном и на лице, и в скорости, с которой от него удалялась.

Малолетка, которую незачем даже близко подпускать к его кабинету. Решение, которое обжалованию не подлежит. Пусть болтается по отделам – глядишь, за болтовней время и пролетит, а потом отправится этот "консультант" на Родину, не солоно хлебавши...

Почему – то Алексей с таким решением не согласился. Совсем.

Откуда-то его черти принесли, стоило закрыть за собой дверь приемной. Даже с секретарем не успел перекинуться парой слов – начальник СЭБа поволок его дальше.

– Слушай, Денис Игоревич, а откуда ты её взял?

– С поезда. Встретил и привез.

Лёха, видимо, не оценил мрачного настроения шефа:

– Прикольно. Прямо-таки, сам встречал? Я думал, она шутит, рассказывая, как ты её спас от смерти на морозе...

– Что рассказывает? – Не сдержался, рыкнул опять на подчиненного, хоть тот и не был ни в чем виноват. Лишь в ярко выраженной симпатии, сквозившей в голосе и словах.

Алексей стушевался:

– Ну, то и говорит: если бы не ваш замечательный Денис Игоревич, сидеть бы мне до утра на морозе, коченеть. А он приехал, такой замечательный, бросил все дела, и меня встретил.

– А дальше?

– А дальше – ничего. Не рассказывает. Говорит, амнезия местная у нее. Там помнит, там – нет. От холода память отшибла. Кстати, заметил, у девчонки язык заплетается? Ты ее с какого встречал, с ночного? Дал бы выспаться ребенку...

– Алексей. Ты помнишь, кто она, и зачем здесь? Какой, на хрен, ребёнок? Взрослая совершеннолетняя женщина, которая сейчас бродит по отделам, собирает информацию, непонятно какую, а потом ею с кем-нибудь поделится. И неизвестно, как её преподнесет. А дальше мы с тобой будем мечтать, чтобы нас пожалели!

Лёха мигом посерьёзnel:

– Дэн, я бы понял твоё беспокойство, будь у нас рыльце в пушку. Но мы с тобой – кристально чистые перед Богом и людьми. Ну, допустим, насчет святости переборщил... Но что ты беспокоишься? Или, – подозрительно прищурился. – я не в курсе каких-то дел? Так ты поделись, тогда вместе подумаем, чем бы нам задницу прикрыть.

– Да успокойся, Лёш, ты в курсе всего. Ничего лишнего я не творил, не покрывал, не приказывал.

– Тогда отчего сыр-бор?

– Тебе ли не знать, как можно преподнести ту или иную информацию?

– Ну, да...

– То-то же. Не будь таким простачком, а то, смотрю, расслабился за несколько лет сытой и спокойной жизни. Да? Пора бодрить?

– Ладно, шеф. Я тебя понял. Девочку возьму под неусыпный контроль. Буду провожать до туалета и обратно. Или туда стоит тоже заходить? Вдруг, у нее в бюстгальтере рация?

Вот же, хохмач. Даже серьезные вещи умудряется перевести в шутку.

– Да пусть хоть целую АТС таскает. Твоя задача – сделать так, чтобы ей нечего было передавать. Ты меня понял? Наверняка, и к тебе придет, начнет задавать вопросы...

– И что? Прикинуться дурачком? Или глухонемым? Так читать и писать заставит.

– Леха, не дури. Бери паузу. Говори, что надо обдумать ответ, информация конфиденциальная...

– А ничё, что я ей уже рассказал, где мой кабинет, сколько в штате человек, и где они находятся? И как пропуском пользоваться, объяснил?

– Алексей, прекрати дурачиться. Ты меня понял. Иди. Если что – докладывай.

Когда дверь за подчиненным захлопнулась, Дэн выдохнул. За пять лет совместной работы Леха, конечно, стал родным, и злиться на него бессмысленно. Однако, привычка превращать любую ситуацию в фарс порой напрягала. Сложно было понять, где он дуркует, а где – по делу говорит, и это мешало сосредоточиться. А Денис расслабленность не любил. Она мешала.

Осталось около двадцати минут до новой встречи, как раз достаточно, чтобы сделать звонок и разобраться, что, вообще, происходит.

Шеф, на удивление, оказался на связи, ответил со второго гудка – удивительно, зная, как обычно трудно до него дозвониться.

– Денис, здравствуй.

– Добрый день, Александр Палыч.

– Ну, чего хотел? Рассказывай. Давно не слышал.

– Ты мне, Палыч, расскажи, что за игру затеял с этой малолеткой? Кого и чему она будет учить и консультировать? Да у меня любой менеджер, даже новичок, съест её и не подавится. – Вот так, по-простому, они разговаривали только тет-а-тет. Мало кто был в курсе, что они с шефом вместе начинали, работали в тесной съемной комнатухе, за одним столом, по очереди.

– А кто сказал, что она должна кого-то учить? Пусть сама учится. – Шефа раздражение Дениса никак не проняло.

– Я этого делать не буду. Некогда. И остальной персонал занят. Сам знаешь, куча вакансий, люди перерабатывают, живут здесь днями и ночами.

– Ну, и что ты тогда психуешь? Я тебе отправил бесплатную рабочую силу. Пользуйся.

– Как? Посадить ее к бухгалтерию, бумажки перебирать?

– Это будет глупо. За те деньги, что мы ей платим, бухгалтер получится слишком дорогой.

– Да я больше ни к чему её не подпущу! Ты же не надеешься, что я доверю девчонке – молодой, зеленой – какой-нибудь важный проект? А неважных у меня нет. Сам знаешь.

– Денис, друг мой дорогой, ты ей просто не мешай. Посмотри, за что сама возьмется, что сделает... Глядишь, и пользу принесет. А там и ты у нее чему-нибудь научишься...

– Палыч, лучше скажи мне, чья она протеже? Кому говорить спасибо за подарок?

– Моя. И можешь не благодарить. – С усмешкой прозвучало, в глубине которой слышалось предостережение. Смутное такое, но кто не дурак – поймет.

– Ясно. И кем она тебе приходится? – Денис не помнил за своим начальником таких слабостей – протаскивать в бизнес родственников, друзей, знакомых... Слишком дорого могло обойтись. А тут – что-то новенькое... – погоди, ты что, отправил её подальше от себя, в ссылку?

– Ну, и дурак же ты, Дэн. Прекрати других по себе мерить.

– Тогда объясни.

– Объясняю: умная девочка, хорошая. Из неё можно много полезного слепить. И никем не приходится. Я её в отделе продаж нашел. Сидела на телефоне. Вернее, даже не так: не я нашел, а она сама выискалась. Инициативная очень.

– Угу. – Денис мрачнел, ни черта не понимая в происходящем. – И тебя эта инициатива так достала, что ты её ко мне сплавить решил? Мне тут, типа, таких не хватает?

– Нужно проверить, на что она способна в сложных полевых условиях, а не в теплом и безопасном центральном офисе. А дальше – уже решать. Может, я ошибся, и слишком большие надежды возлагаю.

– А мне-то что с ней делать?

– Пока ничего. Дальше – по ситуации. Ладно, Денис, рад был слышать. Пока. До связи.

Очень содержательный разговор получился, ничего не скажешь. И в этом – весь шеф. Набрался новомодных штучек и заморочек на своих тренингах – коучингах... А простые русские парни должны теперь гадать – что ещё взбрédёт ему в голову? И Денис был уверен – здесь всё не так просто, как Палыч пытался его убедить. Хотя, он и сильно и не старался. И теперь думай – что с этой кралей перспективной делать? Может, измором взять, так загрузить работой, чтобы сама сбежала? Показав, что возложенные на неё надежды – совершенно не оправданы? Денису показалось, что это будет самым простым выходом. Осталось только найти для нее самую сложную, кропотливую и бесперспективную работу. Пускай помучается. А если даст результат – Дэн, конечно же, удивится, и, возможно, порадует... Но хоть польза какая-то будет.

Так для себя и постановил, отложив решение проблемы хотя бы до следующего дня. Сегодня уже не до девчонки было.

Как бы не так. Если он рассчитывал забыть про Веронику до вечера, то Лёха старался напомнить. Это несвойственное для СБ-шника оживление натолкнуло на мысль: парню, похоже, скучно. Совсем не загружен работой. Надо бы это дело поправить. Мысль оказалась

удачной и совершенно совпала с Лехиным настроением: тот явно старался проводить как можно больше времени рядом с девчонкой.

Только Алексей имел право вваливаться в его кабинет вот так – без разрешения, без доклада секретаря...

– Слушай, Денис, мы уже сходили, пообедали, тебя не дождались...

Оторвался от сложного отчета, поднял голову:

– Поздравляю. Ты за этим пришел?

– Нет, просто ставлю тебя в известность, что девушку голодом не морю. Она, кстати, спрашивает, где будет её рабочее место?

– Мне вот этих забот сейчас не хватало... Твои предложения?

– Ну, можно ко мне посадить. Всегда буду рядом и наготове, если что-то придумает сотворить...

– Плохая идея. Ты все время планируешь ей посвящать? Основные обязанности ещё никто не отменял. – Проще говоря, ему не понравилось, что Вероника будет постоянно общаться с Алексеем. Вот, не понравилось, и все. Потом, когда появится время, он обдумает, по какой причине.

– В приемной, кажется, был свободный стол. Туда и посадите. Все время на виду и никому не помешает.

– Дэн, это же совсем по-свински! Давай тогда, она курьером поработает?!

Предложение понравилось – пусть побегает с бумажками по кабинетам администрации, на почту, еще куда... Главное, чтобы меньше под ногами мешалась. Вот только, шеф за такое по головке не погладит. Это он очень ясно дал понять.

– Скажи, что в остальных помещениях больше нет свободных разъемов для ПК и другой техники. Закончились, буквально вчера. Одно место осталось – в приёмной.

– Слушай, она идиоткой-то совсем не кажется... Обидится, начнет жаловаться... Оно тебе надо?

Денис уперся в друга тяжелым взглядом:

– Я все сказал. Больше не обсуждаем.

– Ну, смотри... Предупреждал. Кстати, Интернет она тоже просила. Даём доступ? Или по правилам – через бумажки, подписи, короче – недели через две-три?

– Давай сразу. Только мониторь – куда ходит. Глядишь, проколется быстрее.

– Думаешь, полезет на сайты с порнушкой?

– Да хоть по кулинарии. Главное – не связанные с работой. Как только поймашь на этом – все, можешь заказывать ей билет.

На этом разговор посчитал законченным и снова уткнулся в бумаги.

– Понял, уважаемый Денис Игоревич. Больше не смею беспокоить.

Время неслось. Как всегда, в сутках не хватало каких-то пары лишних часов, чтобы успеть всё изучить, обдумать, закончить, завершить, позвонить...

Уже заглянула, чтобы попрощаться и получить распоряжения на завтра секретарь, Лариса Евгеньевна; уже затих стационарный телефон, целый день трезвонивший без конца; и письма не сыпались на почту со скоростью, превышавшей скорость просмотров... А он продолжал работать. Иначе не умел. Да и торопиться некуда: иногда, он задумывался над тем, что половина его успеха запрятана в том, что никто не ждет и не торопит домой, не отвлекает от дел. Нет, он никогда и никому не жаловался, и себя не жалел. Просто факт, который однажды он четко осознал. И двинулся дальше, не заморачиваясь. Вот только, бессонная ночь давала о себе знать: в глаза будто песка насыпали, голова тяжелела, скрипучие мысли двигались с трудом. Да еще и неясное бормотание под дверью... Радио, что ли, там не выключили?

Какое-то время Денис пытался игнорировать посторонние звуки, но они отвлекали всё больше. Признаваться в том, что уже просто нет сил, и мозг специально "ищет" поводы, чтобы

рассеять внимание, уменьшив нагрузку, не хотелось. Была надежда, что сегодня вечером он все же закончит обрабатывать отчет. Но она потихоньку гасла.

В конце концов, терпение иссякло: Дэн вскочил и вылетел из кабинета, с намерением раздолбать источник ненавистного раздражителя

В приемной сидела Вероника и что-то мурлыкала себе под нос. Очень тихо – не разобрать ни слов, ни даже мелодии. Но в гулкой пустоте кабинета ее почти неслышное пение звучало странно и назойливо.

– Что ты здесь делаешь, в такое время?

Она подняла голову от схемы, которую усердно вычерчивала, изредка поглядывая на экран, глянула рассеянно, потёрла глаза...

– Да вот, раздумываю: мне сегодня здесь ночевать придется, на диванчике, или куда-нибудь, все-таки, в дом определяют? Может, сегодня уже не к шефу, а к кому-то из подчиненных... В принципе, неважно: разве я имею право выбирать?

– Не говори глупости. Сегодня придется еще раз ночевать у меня. Завтра начнем искать квартиру. Сегодня забыл распоряжение дать.

И с немалым трудом выдавил:

– Извини.

– Да ничего страшного, Денис Игоревич, я всё понимаю – Вы же человек занятой...

– Вероник, если вокруг нет больше никого, можно и на "ты", не стоит так упорно поддерживать официоз. – Ответа не дождался, она лишь неопределенно повела бровью. – Почему ты не напомнила, что сидишь и ждешь меня? Я мог бы заработать и до полуночи. Что, так бы и ждала?

– Мне не было скучно – видите.. видишь, тоже была занята. Редко удается что-то спокойно прочитать и сделать, чтобы не отвлекали.

– Ладно, не обманывай. Любую схему, которая хранится в нашей базе, можно распечатать – вон стоит обычный принтер, а рядом с ним – плоттер, между прочим – цветной... А ты сидишь, карандашом рисуешь. Явно, от нечего делать...

– А причем здесь ваши строительные схемы? Я себе структуру отделов набрасывала. Хотела понять особенности...

– Ясно. – Денис ничего не понял, однако, признаваться в этом девчонке не собирался. – Можно и завтра дорисовать. Собирай вещи и поехали. Не забудь выключить комп, иначе обновления не пройдут.

– Я знаю. – Она щелкнула несколько раз мышкой, видимо, что-то сохраняя, сдвинула все бумажки (откуда насобирала только, за день) на край стола и потопала к встроенному шкафу, похоже, за одеждой.

Хоть и делала вид, что не устала и не хочет свалить побыстрее домой, Денис отметил, как её несколько раз ощутимо качнуло. Нужно отдать должное упёртости девчонки. Такие качества Дэн в людях уважал.

– Не устала, говоришь? То-то, я смотрю, тебя шатает... Завтра я с утра поеду по делам в город, в офисе только после обеда буду. Можешь выспаться, часов до двенадцати. А потом я заеду и тебя заберу, привезу на работу.

Она медленно развернулась, исподлобья глянула:

– Спасибо, конечно, за заботу, вот только не нужно мне вашей жалости. И не такое переносила, как видите, жива.

Как она грамотно вспоминает про официальное обращение... Раз – и дистанцию включила, отодвинула. А он хотел как лучше, в кои-то веки решил отнестись к ней по-человечески. Только вот, лучше сразу дать ей понять, кто здесь главный, а кому капризничать запрещено.

– А я тебя и не спрашивал. Это распоряжение. Мне тут обмороки и срывы от перенапряжения ни к чему. Потом еще оправдывайся перед Палычем, за каким хреном я тебя так загонял.

– Вам не придется оправдываться, Денис Игоревич. Я не собираюсь никому ни о чем жаловаться. Если Вас это волнует.

– А я вообще никогда не волнуюсь, если хочешь знать. Просто просчитываю возможные последствия. Поэтому – без вариантов. Завтра на работу явишься к часу дня. Раньше – даже думать не смей. Все ясно?

– Да. – Вот коза, однако, вредная. Другая бы прыгала от благодарности, и не знала, как еще угодить шефу... А эта всем видом показывает, как он её рассердил и расстроил. Только вот, не учла одной мелочи: Денису глубоко параллельны все мысли по этому поводу. Он уже все решил, и не о чем говорить.

Вероника больше ничего не отвечала, просто надела куртку с шапкой, повязала шарф и ждала, пока Дэн соберется, отключит свой компьютер, выключит свет... Эта девушка удивляла своим умением молчать, не трещать по пустому, и этим же – напрягала. Не привык Денис к такому поведению у женщин. Вспоминалась крылатая фраза: "А вы тут молчите и всякие гадости про меня думаете". Но не будешь, ведь, у неё уточнять – что там себе надумала. Он, вообще, решил, что ему абсолютно не интересны мысли и соображения засланного то ли стажера, то ли соглядата. Ему беспокоиться не о чем: совесть чиста.

Он провел ее до первого этажа, поддерживая под руку (не хватало еще, чтобы в таком "шатком" состоянии девушка оступилась и загремела по лестнице), попрощался с охранником, усадил в автомобиль.

Сам уселся, завел, и уже, было, двинул к дому, да вовремя опомнился:

– Тебе что-нибудь нужно купить? Магазинов не так уж много, и только один круглосточный. Заедем?

– Спасибо, но пока ничего.

– А чем питаться с тобой будем? – Дэн умел и любил готовить, с голоду не умирал, и сухомыткой никогда не перебивался. Да только, кто их, женщин знает? Может, ей на завтрак и ужин обязательно какой-нибудь авокадо потребуется, или другие фигли-мигли-мюсли-каперсы... Раньше этой темой занималась жена, и он даже не задумывался. А тут... нужно, хоть для приличия, побыть гостеприимным хозяином... Раз уж не озаботился поиском квартиры и задания никому не дал...

– А что у вас есть в холодильнике? Если продуктов достаточно, могу приготовить что-то... Мне не трудно...

– Есть борщ, салат, рагу и, кажется, соус какой-то оставался... Ты это будешь есть?

– Ничего себе! Вы это все сами делаете, или кто-то приходит?

– Раз в неделю соседка что-то делает, а в остальное время -сам. Борщ вообще никому не доверяю. Не умеют, как я люблю. – Зачем прозвучало это множественное число – и сам не понял. Ну, да раз уж вырвалось...

– Тогда не вижу смысла в походах по магазинам. Хотя бы сегодня. Давайте, завтра я Вам что-нибудь куплю? А то мне как-то неудобно... Живу у Вас, питаюсь.. Как в пансионе, только бесплатно...

– Успокойся. Если окажется, что ты мне должна – обязательно счет предъявлю. Не заржавеет.

– Хорошо, буду ждать счет.

– Вот и славно. Тогда едем прямо домой.

Денис уже сотню раз пожалел о своей гениальной задумке поселить "консультанта" в собственной квартире хотя бы на пару дней. Ему было сложно определиться – как же себя вести с запланированной и неожиданной гостьей. Правила гостеприимства не позволяли быть отстра-

ненным и пренебрежительным. Да с этой леди, похоже, случилось бы и послать его к черту, и уйти в темноту. Или уехать домой, потребовать отложенный отпуск. А сейчас это не вязалось с его интересами. Одно дело – когда сотрудник не справился с работой, не выдержал нагрузки, показал непригодность... И совсем другое – человек возмутился, что его нормально не разместили. Это было бы пятном на репутации "принимающей" стороны.

Но даже это не так нервировало, как факт, что девушка к себе располагала: с ней было комфортно общаться, напряги возникали только по его собственной вине и нерадивости. От этого сложнее было воспринимать её как потенциального врага и соперника. Как бы то ни было, а Дэн совершенно не планировал дать ей шанс на выигрыш перед лицом шефа. Глупо, казалось бы, соревноваться с девчонкой, имея с ней почти десять лет разницы... Но Денис Дмитриев не проигрывал. Никогда и никому. И сейчас не собирался. Эта неопределенность, и необходимость продумывать каждое слово бесила изрядно. Поэтому он предпочёл молчать, чтобы не завестись и не выдать что-нибудь этакое, за что самому будет стыдно...

К счастью, оба уже так устали к вечеру, что весь ужин практически промолчали. Не было поводов для препирательств, а на пустую болтовню сил уже не осталось.

– Денис Игоревич, а можно мне ванну набрать? Так хочется поваляться в горячей воде, всю дорогу об этом мечтала. А она у Вас такая шикарная... – Вероника не скрывала, как ей неудобно просить – опустила глаза в чашку с чаем, и тон был... такой, очень тихий и смиренный, что ли...

– При одном условии. – Она тут же вскинулась, почти возмущенно, готовая защищать свою гордость и честь (вот, сто процентов, о чем-то неприличном подумала). – В пределах квартиры ты забудешь про моё отчество и обращение на "Вы". Могу я хоть дома почувствовать себя человеком, не начальником, Вероник?

– Ой, извините... извини... Я как-то не думала об этом в таком ключе... Просто очень сложно перестраиваться. Боюсь, что однажды в офисе неправильно к тебе обращусь...

– И что? Что после этого будет? Я тебя в порошок разотру, уволю, понижу в должности? Так я, между прочим, на это права не имею, ты не моя подчиненная.

– А как же авторитет? Среди остальных сотрудников?

– Так, по-твоему, он такой шаткий у меня, что, после одного обращения по имени, все сразу перестанут уважать и слушаться? Ты меня прямо-таки обижаешь, Вика... Или как тебя правильно называть? Еще не было знакомых с таким именем.

– Да? Странно. Не такое уж оно и редкое... А меня все называют, как в голову взбредет – Вика, Ника, Вера, и все производные, куда фантазия заведет...

– И ты на все отзываешься? – Она кивнула утвердительно. – А как понимаешь, что обращаются именно к тебе?

Девушка хитро улыбнулась:

– А в этом вся фишка! Если мне не хочется отзываться, делаю вид, что не поняла – ко мне это, или к кому другому...

– И что это за фишка, если ты про неё рассказываешь первому встречному?

– А ты первый, между прочим, кто заинтересовался. До этого никому и дела не было. Вот.

Денис растерялся несколько: вроде, банальный вопрос, и только ему пришел в голову? Гордиться пора или беспокоиться?

Пока он пытался разрешить эту дилемму, она поднялась из-за стола, быстро ополоснула чашки и тарелки (хозяин квартиры даже не сообразил ей запретить) и утопала с кухни подальше:

– Всё, я пошла купаться. Время позднее, очень не хочу мешать, тебе тоже нужно выспаться.

Вот так, просто и незатейливо, о нем проявили заботу – мелкую, но такую необычную для него... Растерянность начинала входить в привычку.

Глава 2

Вероника нежилась в горячей ванне уже, наверное, целый час. Если не больше – время не засекала. Выпускала остывшую воду и снова добавляла, почти кипящую. Ей все казалось, что холод все еще сидит в её теле, и никак не может покинуть. Несколько часов на холодном вокзале в Москве не так запомнились, как несчастные двадцать минут неизвестности на темном перроне чужого городка. Тогда она не успела поддаться отчаянию и обиде, скорее – злости на невнимательность со стороны встречающих. А теперь вспоминала прошедшие сутки и не могла понять: что происходит с её жизнью, такой, казалось бы, спокойной и устроенной? Зачем было соглашаться на эту поездку, все больше начинавшую смахивать на авантюру из дешевого фильма о приключениях? Так вот, приключений она и хотела, и, похоже, нашла на свою пятую точку.

Слишком все было плоско и правильно в прошедшие пару лет. Ей уже начинало казаться, что вся жизнь может пролететь в их душном и шумном офисе, который постоянно расширялся, оставаясь жить все в том же помещении. Просто в кабинетах ставили больше столов, людей размещали по двое за одним компьютером, документы начинали съезжать со своей территории на чужую, вызывая раздражение у соседей "захватчика"...

Нет, её там любили, ценили, относились доброжелательно. Не в пример местному начальнику, между прочим. Но вот только одно "но": ей становилось тесно. В должности, в интересах, в жизни. Энергия бурлила и не находила выхода, и Вероника боялась, что однажды все закончится взрывом. Или она просто начнет искать другую работу. Но, пока это было лишь смутной идеей, она продолжала доставать начальство своими предложениями, заметками и всякой иной белибердой. От скуки и небольшой занятости мозг фонтанировал, постоянно выплевывая "нечто".

Александр Палыч за это любил её и ценил. Если говорить его словами – "подлюбливал". Правда, старался не афишировать свою странную любовь, чтобы не навлечь гнев коллег за ее очередную несвоевременную инициативу.

Впервые, устав собирать отчеты в один свод из десяти разных неудобных таблиц, она отправилась к "Палычу" на подкашивающихся ногах: было очень страшно критиковать перед начальством то, что им же и было создано.

Как ни странно, большой босс внимательно выслушал идею о том, что достаточно написать дополнение к 1С, тем самым освободив толпе людей массу времени. А потом поблагодарил и сказал, что подумает. Уточнил фамилию.

Уходила от него Вероника, думая, что дни её в этой фирме сочтены. А через неделю им сообщили, что новый отчет создан, проверен, и им уже можно пользоваться. Программист получил премию и признание всех девчонок в операторском отделе, а Вера – насмешливый взгляд шефа и вопрос: "Довольна?".

Ответить смогла лишь кивком и вспышкой горячего смущения. Она-то была уверена, что про неё уже давно позабыли, а гениальный прорыв в отчетности – простое совпадение.

Только вот, Александр Палыч ничего не забыл, а все чаще стал появляться в их операторском отделе, якобы просто "посмотреть", а по факту – он разговаривал со всеми девчонками и парнями, по очереди. Но чаще всего останавливался у стола Вероники. А потом начал вызывать на разговор к себе – в кабинет. Явно понял, что не о всех вещах стоит разговаривать среди множества любопытных ушей.

Это заметили, поползли слухи и разговоры, молоденькую девчушку начали подозревать... Кто-то практически вслух советовал не вешаться на семейного мужика – все равно, ничего стоящего не отвалится, а в грязи вываляют, несомненно...

Она лишь отмахивалась от этих глупостей: прекрасно видела, какая крепкая семья у Палыча, а в их отношениях с шефом даже намек не было на грязь. Он всегда её внимательно выслушивал, иногда объяснял, почему новая идея – бред, и что нужно додумать, а потом начинал говорить и спрашивать. Заставлял её мыслить иначе, вопреки её привычным взглядам и логике. Тратил уйму времени -обучал. Это с его точки зрения. А девушке казалось, что порою шеф нянчится с ней, будто с ребенком. Правда, озадачивал временами так, что засиживалась дотемна, приходила на работу по выходным, чтобы выполнить эти задачи... И ни разу не почувствовала себя ущемленной в правах: такая работа дарила ей ощущение собственной полноценности, она творила, думала, изобретала.

Подруги вертели у виска пальцем, советуя переключиться на личную жизнь и творить там, пока не поздно. Личная жизнь была, да только вот, с творчеством в ней никак не складывалось...

Наверное, по этой же причине Вера и не подумала отказываться от поездки. Правда, слегка растерялась – не могла понять, с какой целью отправляют, и почему – именно её, когда есть другие люди, более опытные и знающие.

Не постеснялась, вопрос задала. Ответ, как всегда, не принес никакой определенности: шеф, однозначно, чего-то от неё хотел, а вот чего именно – не признавался.

– Александр Павлович, а почему – я? И какой будет толк от моего присутствия? Северный регион сейчас – один из самых успешных и рентабельных. Зачем туда, вообще, кому-то ехать? И что это за должность такая – "консультант"? Я о такой никогда не слышала...

– Правильно. У нас её никогда и не было раньше.

– Как так? А зачем её придумали?

– Сочинили её для другого человека. Уже не знаем, куда бедолагу приткнуть и чем занять, чтобы под ногами не мешался, и деньги не совсем задарма получал. Но ему повезло: неожиданно освободилось теплое место (чья-то родственница в декрет ушла), его туда и сослали.

Вероника услышала в этой речи главное, что могло беспокоить:

– Вы хотите сказать, что тому человеку повезло, и он не поехал, а мне досталась его ссылка?

Александр Павлович рассмеялся:

– Вероника, ты – не Татарин. Если того Денис мог бы разжевать и выплюнуть, не переваривая, то с тобой этот номер не пройдет. Зубы сломает. Я бы с радостью посмотрел на этот момент. – И он радостно чему-то заулыбался. А вот Вероника чувствовала, что здесь нет никаких причин для смеха. Напряглась...

– Александр Павлович, Вы хотите сказать, что мне нужно будет подчиняться человеку, которого все боятся? А мне он, вроде как, ничего не сделает? Что-то я сильно сомневаюсь...

– Вероника, не накручивай себя. Если говорю, что ты с ним справишься, значит, так и будет. И, поверь мне, такого опыта, как у него, ты больше нигде и никогда не получишь. Я тебя обманывал хоть раз?

– Нет.

– Вот и сейчас – расслабься, поверь моим обещаниям, и собирай вещи. Билеты тебе уже заказали.

Легко сказать – "расслабься"... А как это сделать, когда виновник твоих напрягов ходит по коридору за дверью, с кем – то общается по телефону (на весьма повышенных тонах), и мешает, мешает... Вера даже не смогла сама нормально поговорить (предусмотрительно взяла телефон с собой в ванную), потому что отвлекалась на звуки, доносящиеся из-за двери...

Наконец, она поняла, что дальше прятаться в ванной смысла нет: все равно, хозяин квартиры дождется, пока она выйдет и отправится спать. Ни к чему заставлять человека мучиться в ожидании, тем более, что он уже вторые сутки остается без сна.

Поведение нового шефа безмерно удивляло и сбивало с толку: временами он казался очень приветливым, заботливым, гостеприимным... А через минуту превращался в холодного, самодовольного, отстраненного хама. Или хотел таковым казаться. Ей было не понять, чем такие перепады вызваны... А иногда, вообще, казалось, что Денис Игоревич видит в ней самого настоящего врага: что-то подсказывало, что новый шеф подозревает её в чем-то страшном и гадком, и эта подозрительность раздражала и унижала. Вероника и думать не могла о том, чтобы кому-то здесь навредить. Люди здесь были хорошие, приветливые, они ей нравились. И всё бы хорошо, если бы не их начальник. Он мог стать самой большой занозой в пальце... Ну, хорошо, даже не в пальце – в заднице... И что-то подсказывало, что именно в ней Вероника и оказалась...

Она быстро спустила воду, ополоснулась, наскоро высушила волосы, и пошла сдаваться. Как еще можно было назвать очередную встречу с хозяином, чье гостеприимство ей фактически навязали?

Шеф, как и ожидалось, обнаружился на кухне: сидел за столом, освобожденном от посуды, потягивал чай из огромной стеклянной кружки и внимательно читал что-то на экране ноутбука.

– Вы из-за меня тут сидите и не ложитесь? Извините, что задержала.

Денис нахмурился, поднял взгляд, явно еще не понимая – кто здесь, и о чем это она говорит...

– Опять на "Вы"? Вроде бы, договорились?

– Извини. Случайно, по привычке вырвалось.

Он ничего не отвечал. Просто внимательно ощупывал её взглядом. Вероника неожиданно остро почувствовала, что только что вылезла из горячей воды, вся распаренная... И то, что под домашним костюмом, хоть и достаточно плотном, нет никакого белья. Неужели, и он это увидел и почувствовал? Это безумно смущало. Захотелось удрать в свою комнату и переодеться. Желательно, так, чтобы одежда в принципе скрывала все очертания фигуры, и даже пальцы не выглядывали из рукавов. Но это было бы совсем по-детски. В конце-то концов, она взрослая женщина, в гости сюда не напрашивалась, и соблазнять кого-то в планы её совсем не входило. Если ему хочется смотреть – пускай любит. Ей нечего прятать, и делать этого Вероника не будет...

Денису, похоже, надоело рассматривать гостью (да, собственно, не стоило и волноваться – наверняка, он видел и поинтереснее варианты), он отвел взгляд в сторону экрана и неприветливо буркнул:

– Чай будешь?

– Ага. У тебя есть еще такая же кружка? Обожаю, когда чай в прозрачной посуде – очень красиво смотрится. У меня дома даже заварник стеклянный...

Денис на это признание только дернул бровью (видимо, не счел нужным глупости обсуждать), поднялся и достал из шкафчика прозрачную посудину:

– Держи. Только сама наливай. Сладости, вроде бы, где-то оставались, только сама ищи. Я не помню, сам их не употребляю.

Веронике очень хотелось ляпнуть что-нибудь, в духе того, что не помешало бы, глядишь, стал бы слегка добрее... Но благоразумно промолчала. Налила себе чай, приоткрыла дверцу отсека, из которого, она видела, Дэн доставал сахар... Конфеты лежали на самом виду. Странный человек, однако. Загребла целую горсть, высыпала на блюдце...

– Хочешь, разверну тебе одну? – Она четко понимала, что может нарваться, и страшно было слегка, но ходить, нащупывая границы, уже надоело. Захотелось подергать тигра за усы. Не убьет же он её, на самом деле? На улицу не выгонит. А все остальное – Вероника переживёт.

Страшного не случилось: Денис хмыкнул, глянул удивленно...

– Думаешь, сам не справлюсь? Ну, давай, разворачивай. Только не эту. Там другие лежат.

– Без проблем. Я схватила, не глядя. Ты тоже с белой начинкой не уважаешь?

– Угу. – Похоже, на сегодня лимит откровенности оказался исчерпанным.

А ей на сегодня этого и хватило. Был еще вопрос, гораздо более важный.

– Денис, я, конечно, очень благодарна за гостеприимство... – Теперь он, похоже, решил сосредоточиться на разговоре: захлопнул ноутбук, уставился прямо на неё, всем видом говоря "я весь во внимании".

– Не за что. Прекрасно знаешь, это был единственный вариант.

– Так вот, я очень прошу – не забудь завтра дать задание, чтобы мне нашли квартиру...

– А что не так? Тебе здесь не нравится? – Ну, вот. Не хватало еще, чтобы он обиделся на её неблагодарность...

– Да все так. Мне здесь удобно и комфортно. И ты ничем не напрягаешь. Только...

– Что?

– Муж переживает, что я живу в квартире одна с незнакомым мужчиной...

– Муж?! – Если бы она призналась, что прилетела сюда с Марса, и под окном припаркован звездолет, запряженный тюленями – наверное, изумление на лице Дэна проявилось бы не так сильно...

– Ну, да... А в чём дело?

Красноречивый взгляд, брошенный на её абсолютно голые пальцы правой руки... Стало понятным удивление. Да Вероника и сама не очень понимала, почему решила присвоить Мише такой статус. Обычно, так не называла, хоть и была уверена – рано или поздно, так этому и быть...

– Я не видел в твоём личном деле ни слова о замужестве.

– Мы официально не женаты. Гражданский брак. Но это ничего не меняет. Он за меня беспокоится, а я не хочу волновать...

– И как же тебя муж отпустил, к черту на куличики? Что заранее не поволновался? – В голосе Дениса появилось что-то едкое, неприятное. Словно хотел задеть сильнее. Вот и поговорили, называется...

– А я не собачка, чтобы держать на поводке, и отпускать только по собственному желанию. Нужно было – поехала. Что, он должен был меня запереть?! – Волнение потихоньку спало, тем более – кто он такой, чтобы задавать вопросы? – Тем более, что он сам сейчас в длительной командировке. Вернется как раз к моему приезду...

– Очень интересно... И когда ты планируешь возвращаться?

– Александр Павлович обещал, что не более двух месяцев здесь буду. К Новому Году надеюсь вернуться домой.

– Понятно. А почему не раньше? Думаешь, не успеешь ничего накопить?

– А я здесь ничего копать не собираюсь. Тут не золотые прииски. Но проситься домой раньше времени, ничему не научившись, – самое глупое, что можно сделать...

– Ну-ну... Рассказывай... А чему ты собираешься учиться?

– Послушай, Денис Игоревич, я прекрасно понимаю, что ты меня за что-то невзлюбил. Единственное, не могу взять в голову – за что? За одни сутки так насолить – нужно постараться, а я еще даже не пробовала! Если уж так тебе противна – зачем дома у себя держишь? Отвези меня в эту грёбаную гостиницу, я лучше там перекантуюсь, чем буду здесь находиться в квартире, хозяин которой терпеть меня не может. – Сейчас она уже реально завелась: терпеть не могла беспочвенных обвинений, да еще таких – неясных, намеками. Вскочила, выплеснула в раковину остатки чая. – Я пошла собираться. Если так тяжело меня видеть – вызови мне такси, сама доберусь, больше напрягать не буду.

– Стоять! – Она, действительно, замерла на пороге от резкого окрика. Развернулась, двигая только одной мыслью – дать ему чем-то тяжелым по голове. Да хоть тем же ноутбуком. Как

он посмел, вообще, говорить с ней в таком тоне?! – Вернись и сядь обратно за стол. Не веди себя, как психованная малолетка.

Сравнение подействовало. Вероника всегда старалась удерживать внутри себя все обиды и недовольства : нельзя никому показывать свои слабые места. Потом обязательно кто-нибудь воспользуется. А здесь так глупо повелась...

– А как мне себя ещё вести, если ты всем видом и словами показываешь, как я тебе неприятна? Можно подумать, что сама навязываюсь. Если уж так не нравится ситуация – предъявляй тому, кто меня сюда послал.

– Ну, вот, студент, мы и выяснили, чему тебя нужно учить в первую очередь...

– Это чему же? – Веронике совсем не понравился этот переход с личностных отношений к вопросу её стажировки.

– Умение правильно себя вести в случае провокаций. Ты себя ведешь, как нервная дурочка. И на любых переговорах проиграешь на раз-два.

– А мы сейчас не на переговорах. И обсуждали вещи, которые даже обсуждать не стоило. – Так просто ему не получится сбить её с толку. Явно же, пытается зубы заговорить, уйти от неприятной темы...

– А какая разница? Любой оппонент, который стремится получить результат, жалеть тебя и твою нежную психику не станет. Будет искать больные места и давить на них, при первой возможности.

– Я это прекрасно знаю. И, в общем-то, умею владеть собой. А сейчас показала свое недовольство, чтобы ты о нем знал, и не думал, что я собираюсь молчать и выслушивать всякие гадкие намёки. Можешь делать с этой информацией все, что придет в голову. Мне уже не важно.

– Ну-ну... Так и быть, на первый раз – поверю. Но в следующий раз так легко не отмажешься. А провоцировать буду постоянно – в качестве тренировок, уж поверь.

– Даже не сомневаюсь. – Очень хотелось пробурчать недовольным голосом, но – сдержалась, произнесла со спокойным достоинством. – Это все? Я могу идти спать? Кстати, просьба о поиске квартиры не отменяется...

– А что так заторопилась? Мужчина твой совсем не доверяет? Сходит с ума от ревности? Ну, так хочешь, я с ним пообщаюсь, объясню, что ты не в моём вкусе, и для ваших отношений твой временный сосед никакой опасности не представляет?

– А причем здесь ревность? Он просто переживает, что посторонний человек может меня обидеть, даже нечаянно... Тем более – мужчина. Миша постоянно трясется надо мной, как над малым ребенком. С одной стороны, конечно, раздражает, а с другой – нужно уважать такую заботу. Не хочу его лишний раз нервировать и расстраивать.

– Вот, значит, как... А ревность, похоже, здесь вообще ни при чем? Вот ни за что не поверю...

– Ну, и не верь... – Как ни странно, сейчас Вероника была абсолютно спокойна. Вопросы на эту тему ей задавали уже не раз, и никто из друзей не мог постичь царящего в их паре доверия. Уточняли, сомневались, доказывали, как она неправа... Она тоже поначалу доказывала, что так – тоже бывает, и не только у них. И вовсе они не дураки с Михаилом, и наивностью здесь не пахнет... Просто нашли друг друга в толпе и по сторонам уже не смотрят. – Тебя это, по большому счету, совсем не касается...

– Ну, как же так? А если твой драгоценный "Муж", – очень ехидно выделил это слово, – придет мне морду бить? За покушение на твою верность?

– Не придумывай ерунды.

– Почему? Кишка тонка?

– Потому что он знает, что повода не будет никогда. Он мне доверяет, как и я ему...

– Вот мне прямо любопытно сейчас: что ты, вообще, можешь знать о доверии?

– Достаточно, чтобы понимать, кто его заслуживает, а кто – нет. И как важно его ценить, не превратить в грязь, предательством... – Вероника и сама чувствовала, что слова звучат слишком пафосно, по-книжному, но иначе на эту тему говорить не могла.

– Ну, так я и думал: юношеские представления о жизни. Пора бы уже начинать взрослеть. Сколько лет-то тебе, ребенок? Что-то я уже подзабыл... – От этого насмешливо-отеческого тона Веру снова начало ощутимо потряхивать. Хотелось врезать чем-нибудь этому несчастному гаду, чтобы и думать забыл, как с ней таким образом разговаривать.

– Двадцать четыре. Скоро двадцать пять. – Она с гордостью поняла, что сдержалась, не выплеснула злость, а проговорила очень спокойно, как на приеме у доктора.

– А... Ну, тогда, конечно, откуда тебе об этом знать... Еще годы потребуются... – Он даже как-то расслабился, демонстративно, когда это произносил...

А вот её, всё-таки, взорвало:

– Мне достаточно прожитых лет, чтобы определить – кто способен на подлость, а кто нет. Возраст в этом значения не имеет. – Она была абсолютно уверена в тех словах, что сейчас выплёвывала своему шефу в лицо. И было без разницы – чем закончится этот разговор. И пусть опять упрекает в несдержанности...

– А я? – Обманчиво-ленивый тон обмануть не смог. Заставил подобраться от напряжения, и от растерянности...

– Что – "ты"?

– Я способен на предательство? Можешь определить? – Темные глаза зажглись недобрым светом, предостерегающе...

Но Веронику уже несло, без тормозов на поворотах:

– Могу! А ты уверен, что хочешь услышать ответ? – В мрачном лице сидящего напротив мужчины не изменилось ничего. Только уголок рта нервно дернулся. – Ну, так слушай...

Девушка только сейчас поняла, что висит над его столом, опираясь на руки, выпрямилась, переплела кисти на груди, словно защищаясь:

– Я думаю, что ты способен на всё: предать, растоптать, унижить, а после – уйти, не оборачиваясь. И знаешь, почему? Да потому, что никого, кроме себя, не видишь! И предать можешь походя, не заметив, как кто-то корчится от боли и обиды на тебя. И останешься чистым и незапятнанным. Ты ведь и сейчас такой, не правда ли?

Лицо мужчины окаменело. Похоже, зацепила за что-то такое, спрятанное внутри. Но жалости не было: попросился – пожалуйста, кушайте, не подавитесь. Но и продолжать опасный разговор тоже смысла не было.

– Я думаю, на этом сегодня стоит попрощаться. Иначе, работать вдвоём не получится никак. Спокойной ночи.

Она медленно развернулась, демонстративно, не торопясь, вымыла брошенную до этого кружку... И так же спокойно, старательно удерживая осанку, удалилась в комнату. Неважно, что все внутри мелко тряслось...

Денис откинулся на диван, провожая взглядом неестественно прямую спину девушки... И не мог решить, как сейчас реагировать – то ли злиться, а то ли смеяться...

Кто бы мог предугадать, что у двух, не знакомых между собой женщин, окажется одинаковое мнение на счет его моральных качеств?

Ладно, Дашка наехала, как обычно, и прошла по нему всеми эпитетами, которые только вспомнила на тот момент. Хотя, если подумать, раньше предателем не обзывала. Сволочью, тираном, иродом, бессовестным ублюдком – да. И еще много разных слов можно было вспомнить. А вот в таком – никогда раньше обвинений от неё не слышал. Может быть, оттого и завелся, что обидно стало? Потому и девчонке задал такой вопрос, хотя не следовало?

Вот и нарвался, неожиданно-негаданно. И как эта шмакодявка, интересно, вывод сделала о его недостойных качествах, всего лишь за сутки? Надо будет разобраться...

Но, что ни говори, обидно... Денис прекрасно знал, что не идеален, и ради достижения цели часто забывал про некоторые нюансы и правила. Бывало, приходилось растаптывать противников, чтобы уже не смогли подняться... Но в предательстве и обмане, особенно в личной жизни, себя ни разу не замечал. Может быть, пропустил что-то? С Дарины (даже имя не как у нормальных людей, а с вывертом) случилось бы и придумать, и вывернуть его поступки наизнанку... Но откуда малолетняя стажёрка что-то могла о нем знать?

А еще не мог себе простить, что вот так сорвался на ни в чем не повинном человеке: ясное дело, каждый разговор с женой доводил до белого каления, да еще и та, как знала – проявлялась в моменты, когда было особенно не до неё, и доставала. Зачем, что хотела доказать? Склеить гнилые доски корабля, который ни разу и в море не выходил, сгнил ещё до спуска на воду? Так, вроде бы, обо всем договорились, он к ней претензий никаких не имел, даже развода не требовал... Почему до сих пор не успокоится? Было, конечно, подозрение, что отдельный кайф для неё – Денису нервы помотать, но ведь он справлялся, никогда не показывал, как это все достало. Всегда удерживал ровный, спокойный тон... А потом сорвался, только не на жене, а на мелкой девчонке. Так что, можно считать, поделом досталось...

А эта, однако, тоже хороша: показала характер. Это он в людях ценил и уважал, вся команда из таких была набрана. Вот только, заточены все были под его, Дениса, требования. А эта – под какие-то свои, никому не известные. Что-то ему подсказывало, что и Палыч не сильно с этим норовом справлялся, потому и решил сослать Веронику на время, скажем так, отшлифовать... А ему, Денису, оно надо?

Так еще вопрос: кому, интересно, хватит выдержки воспитывать её, такую... Теплую и домашнюю, розовую после ванной, с мягкими завитками непросохших волос, пахнущую ароматами, которых его холостяцкая берлога в жизни не видала? Да еще и с каким-то мужем, в довесок, выпрыгнувшим, как черт из табакерки, неожиданно-негаданно?

Не удивительно, что проснулась вредность – просто для самосохранения, нужно было увеличить дистанцию, от греха подальше. А то, видишь ли, мы такие правильные, честные, все-то мы о жизни знаем...

В её возрасте он и сам знал столько всего правильного, да вот, однако же, ошибался...

А вот мысль про мужа, недовольного проживанием в квартире у шефа, где-то застряла, неоформленная, на задворках сознания... Нужно бы её до конца додумать, но она ускользала...

Он еще поразмышлял о жизни и бренности бытия, прихлебывая остывший чай, а потом плюнул на всё и отправился спать. В конце концов, почти двое суток на ногах могут привести и не к таким поискам смысла жизни...

Утром, уже завтракая, поднял взгляд и обнаружил в дверях Веронику. Та еще не проснулась до конца, судя по потерянному взгляду, но поздороваться пришла. Денис не выдержал, рыкнул:

– Я тебе что вчера сказал? Спишь до двенадцати, потом собираешься. В час заеду. Все. Чтобы я тебя здесь через секунду не видел.

Приготовился спорить и доказывать правоту, но – зря. Она кивнула, сквозь нечаянный зевок пробормотала "хорошо", и спокойно утонула в свою комнату. Ну, как утонула? Ушелестела. Просто ему не хотелось искать никаких поэтичных сравнений. Снова пришло на ум, что мужчина-то её – не дурак, раз переживает. И снова не додумалась мысль, была отодвинута назад другими делами, более насущными.

А потом он вовсе про Веронику забыл: вылетел из сознания факт, что у него есть стажер-ревизор, или кем она там является, и что о нем тоже не помешало бы побеспокоиться. Замотали дела-заботы, да так, что из дома пришлось выскакивать на всех парах – полетел разбираться с авралами на стройке. Что-то технадзор у них страшное усмотрел, с чем никто, кроме Дэна, не мог разобраться.

А потом – на бреющем полете по чиновникам, с согласованиями, с заявками на тендеры... О чем, вообще, он мог помнить? Не до мелочей.

А вот Алексею, видимо, только до них и было дело... Иначе, с какого бы перепугу звонить, зная, что директор на встрече? Такое позволено было только ему, чем этот наглец и пользовался.

– Что?! – Не будь необходимости сдерживаться, он бы проорал в трубку этот вопрос. А так – пришлось говорить почти шепотом. Эффект не тот, но Лёха впечатлился.

– Дэн, я по-быстрому. Куда ты новенькую подевал? Мне уже начинать беспокоиться и искать место, куда спрячем тело, или все по плану, и она сама себе место найдет? – За что его Денис любил и уважал, так это за умение прикинуться дурачком и разрядить обстановку. Пусть и опасную только для него...

– Черт. Спасибо, Лёх, что напомнил... Я совсем про неё забыл. Оставил отсыпаться, нужно к часу забрать. Ну, теперь уже не к часу, но все равно – успеется.

– Так это, если тебе некогда – могу и я заехать. Не проблема совсем, тачка еще прогретая стоит, только выпрыгнул. Пришел в офис – а вас тут нет никого, решил полюбопытствовать... Так что, мне съездить? – Нет. Я сам. – Почему-то, безобидное предложение друга вызвало неприязнь и злость. Совершенно беспочвенную. – Спасибо.

– Эээ... – Друг и соратник, похоже, слегка растерялся от такой пусть не длинной, но впечатляющей отповеди. – Как скажешь... Я-то как лучше хотел, думал, ты занят...

– А тебе, смотрю, заняться нечем? Так я сейчас быстро озадачу...

– Все, понял. Не дурак. Вливаюсь в работу по самые уши.

– Вот-вот. Лучше разберись, кто там стукнул органам про молдаван на стройке. И, кстати, хотелось бы знать, откуда они там взялись. Прошерсти субподрядчиков. Это, кстати, твоя должностная обязанность.

– Ден, мать твою, а что ты с утра-то молчал? Я ж ни сном, ни духом... Думал, там только технадзор лютует, но это не по моей теме.

– Этим замы сейчас занимаются, я тебе звякнуть не успел. Кручусь тут, как белка со стрелкой на орбите, вместе взятые.

– Ден, может, пора тебе ещё одного заместителя взять?

– Ага. А до этого всю администрацию тупо уволить. Чтобы вновь прибывшие боялись. Так, что ли?

– Все, Денис Игоревич, молчу и работаю. Больше с советами не лезу, пока не попросишь. До связи.

Вот же, черт его дерит, советчик... Хуже всего, что местами он прав, и от того еще более тошно. Но разве ему объяснишь, что все эти гребанные замы – еще молодняк и дети, и весь объем ответственности на них не свалишь. Хотя, может быть, и пора. Только вот, строительство – дело сложное. Какой-нибудь объект на людей свалится – поздно будет горевать, что рано доверил его зеленому парню, пусть даже и самому грамотному...

Но, как бы то ни было, Лёшке нужно будет сказать спасибо за то, что про Веронику напомнил. Иначе, сидела бы в пустой квартире до вечера. Или до поздней ночи. А после вчерашнего разговора – не факт, что напомнила бы о себе...

Быстро свернув разговор с очередным занудой-чиновником, перенес пару встреч, не самых важных и ему не нужных, двинул домой. Часы показывали пятнадцать минут второго. Вот тебе и пример пунктуальности для молодежи. Факт, что он снова опаздывал, и опять к Веронике – уже раздражал. А еще мысль, что после подколов с его стороны, девушка, наверняка, постарается зацепить по больному месту... В общем, в подъезд он влетал заведенный, на всех парах, готовый с ходу наброситься на девчонку, был бы повод. Смешнее всего, что осознавал – надо бы тормознуть, да не мог успокоиться, выдохнуть не получалось...

Только у самой двери остановился, привел в порядок дыхание: не хватало еще показать стажеру, что он к ней прискакал, взмыленный...

Квартира встретила тишиной, абсолютным безмолвием. Только тикали стрелки на настенных часах.

Первое, что пришло в голову: не дождалась. Собралась и своим ходом поскакала, или, что еще хуже, попросила заехать того же Лёшку. Наверняка ведь, вчера телефонами обменялись.

Но потом заметил сапожки, стоящие так же, как вчера вечером были поставлены, куртку, шапку с шарфом... Значит, затаилась в комнате и ждёт.

Не раздумывая, скинул на ходу ботинки и направился в комнату, отведенную госте.

Картина маслом: девчонка спала, крепко обняв подушку, лица не видно под разметавшимися волосами, но по мерному дыханию было ясно – однозначно, дрыхнет, и видит сто пятьдесят первый сон. Какой еще может быть в середине дня?

– Вероника, подъем! – Постарался сказать не очень громко и страшно (какой смысл пугать? Еще обвинит потом в душевной травме), но она практически подпрыгнула на кровати. Глянула шальными глазами, потеряла лицо, запустила руки в волосы...

Через пару секунд осознала, что происходит, взгляд слегка прояснился...

– Черт... Проспала! Как же... А где будильник?... – Зашарила под подушкой, затем – под одеялом, видимо, в поисках несчастного аппарата... Нашупала телефон, рассмотрела, видимо, время на экране...

И еще более горестно:

– Черт... Ну, как так можно? Я же его слышала...

– Вика, угомонись. Не надо так нервничать. Ничего страшного не случилось. Я нормальный человек и понимаю, что тебе после дороги еще вчера нужно было дать выспаться. Давай, собирайся по-быстрому. Если перекусим дома, то к концу перерыва уже будем в офисе. Ты же умеешь быстро, я знаю.

Вот так, вместо перепалки, пришлось уговаривать её, как перепуганного ребенка. Но он же не зверь, в конце-то концов, чтобы так переполошиться...

Тем более, наблюдать за её попытками окончательно проснуться и придти в себя – очень забавное занятие. Дэн давно уже так не развлекался и не умилялся, одновременно. Снова не к месту вспомнился "муж", омрачив настроение... Дэн решил, что надо, все же, обдумать, чем этот неизвестный товарищ так его цеплял, и за какое место. Правда, сейчас думать не получалось: он тупо стоял у двери и наблюдал, как девушка, забыв о его присутствии, выскочила из-под одеяла, осмотрелась, снова схватилась за голову, покачала ею, будто пыталась что-то сообразить, а потом пронеслась мимо, хлопнув дверью ванной комнаты. Порадовал факт, что она в пижаме, полностью закрытой. Все-таки, Денис – здоровый мужчина, с нормальной ориентацией, и бег голышом по квартире мог бы надолго выбить из рабочей колеи...

Да, на такое развлечение он по пути домой совершенно не рассчитывал...

Проводив несущуюся мимо девушку глазами, Дэн уж, было, собрался тоже покинуть комнату, но зацепился взглядом за книгу, лежавшую на тумбочке. Она была оставлена раскрытой, вверх обложкой. Заинтересовала толщина и невзрачность – давно он не встречал женщин с чем-нибудь, отличным от одноразового "ширпотреба" (вот привык его так воспринимать, и ничего не поделаешь), неважно – сентиментальная это была история, детектив, или пособие по кулинарии. Да и бумажных книг, в принципе, тоже довольно долго не видал. "Законы Паркинсона"... Что-то слышал, но ни разу не пробовал прочитать... Неужели, такое увлекательное чтиво, что барышни тратят на него время по ночам? Опасаясь быть застигнутым за подглядыванием, благоразумно свалил. Решил же, что будет обедать дома, поэтому направился напрямик к холодильнику и плите...

На этот раз Вику пришлось ждать намного дольше, чем накануне. Но Дэн, отчего-то, впал в благодушное настроение и совершенно по этому поводу не переживал.

Ему как раз хватило времени на то, чтобы вскипятить воду и забросить туда пельмени (домашней лепки, угощение от заботливой соседки, не чета магазинным, такие не грех и на праздничный стол поставить), нарезать зелени, даже разложить нехитрую снедь по тарелкам... Он только что не насвистывал, удивляя сам себя переменах в своем обычно ровном состоянии духа... – Тебе с бульоном или без? – Таким вопросом, похоже, снова ввел девушку в ступор. Та, видимо, ждала более серьезного разговора о своей дисциплине и тэдэ и тэпэ. А он сейчас не хотел разговаривать на серьезные темы. Денису захотелось расслабиться. И он себе это разрешил. На некоторое время.

– Не знаю... А как вкуснее?

– Вероник, я не знаю, это тебе решать.

– Тогда делай так же, как себе. Доверюсь твоему вкусу.

Теперь уже Денис призадумался: ему, по большому счёту, было без разницы. Но не хотелось ударить лицом в грязь: вдруг, не понравится? Решил, что не стоит занимать свою голову ерундой, наполнил тарелки по принципу "как получится", поставил на стол.

– Давай, угощайся, поедим и двигаем. А то народ без меня расслабится. Любят они без контроля фигурой пострадать...

– Да? Странно. А мне говорили, что у тебя – самый сильный филиал, и дисциплина, как в армии...

Ему очень хотелось вставить "потому что работают, в основном, одни парни. Набрал бы девчонок, и ловил бы их что утром, что вечером". Сдержался. Не хотелось портить настроение ни себе, ни девушке. Но она, похоже, и так догадалась: поймала ироничную ухмылку, напряглась:

– Мне очень неудобно за то, что не встала вовремя... Ты и так дал возможность отдохнуть, а я... Такого раньше вообще никогда не случалось...

Дэн поймал себя на том, что досадливо хмурится: слушать извинения терпеть не мог. Высказал претензию, услышал в ответ "Был неправ, больше не повторится", и достаточно. Если фраза была хоть немного длиннее, начинал раздражаться...

– Давай закроем тему, ладно? Я же сказал, что все понимаю. Все.

– Ладно...

– Ты мне лучше скажи, что это за увлекательное чтение лежит на тумбочке?

– Ааа, "Паркинсон", – Вика улыбнулась. – Действительно, очень интересно. Масса выводов и наблюдений за сотни и десятки лет, закономерности развития общества, экономики...

– И ты вот это на ночь читаешь? Не нашла ничего полегче?

Снова улыбка, еще более открытая:

– Она у меня вместо снотворного. Уже пятый месяц пытаюсь одолеть, а осилила страниц десять.

Денис только поднял брови, всем видом изображая удивление и интерес...

– Там слова настолько зубодробительные, и предложения по пол-страницы. Пока одно осилишь, пока поймешь, о чем речь – мозг выключается. Предохранители гаснут.

– И ты ради этого таскаешь с собой такую тяжесть? Чтобы лучше спалось?

– Неет. – Она даже нагнулась вперед, заглядывая в глаза, пытаясь доказать свою искренность. – Я честно пытаюсь прочитать. Просто медленно... Дэн решил, что женщины, конечно, имеют право на слабости и странности... Но таких завихрений он еще не встречал. Или не присматривался? После Дарины душевные качества временных подружек его мало волновали. И удивление эти дамы вызывали другими способами. А эта, смотри-ка ты, смогла удивить...

Вероника поднялась, забирая пустые тарелки.

– Сейчас помою, и можно ехать. Или чаю попьем?

– Чай, само собой, хотя – я лучше кофе. В кои-то веки, заправил кофеварку, а то стоит без дела... А посуду оставь до вечера, сейчас ничего с ней не будет...

Вика глянула на него, явно желая о чем-то спросить, но – промолчала, отвернувшись к мойке...

– Честное слово, сейчас приедем и озадачу секретаря поисками жилья. С утра времени не было. Метался по городу, как угорелый...

– Что-то произошло? – Дэн почувствовал, как невнятной, почти незаметной судорогой прошелся по нервам этот вопрос. Его уже сотню лет никто не спрашивал о делах, кроме шефа и подчиненных. Одному он обязан был доложить о любых серьезных проблемах, и это был не вопрос, а требование. А ребята предпочитали не спрашивать лишнего раз, чтобы не нарываться. Меньше знаешь – лучше спишь. Надо будет, вызовут и расскажут...

А чтобы именно так – с искренним участием, с тревогой в глазах... Он поспешно себя убедил, что все это померещилось. Напридумывал себе ерунды... Видимо, обстановка домашняя располагает...

Привычно включил цинизм:

– А как ты себе, вообще, представляешь строительство? Хоть на одном объекте была, или только бумажки расковыривала? Поездила бы, с прорабами поругалась, с таджикского на матерный попереговала, а потом обратно... А потом по кабинетам всяческих надзоров, о которых, уверен, даже еще не слышала... А через недельку я бы на тебя посмотрел, с такими вопросами. Пришло бы тебе в голову спросить "Что произошло", – очень едко, с насмешкой передразнил. – Или сама уже сообразила бы. Да у нас, между прочим, всегда что-нибудь происходит, каждый день, каждый час, только успевай слушать! Тебе с какого момента рассказать?!

Он понимал, что снова – перебор, и в словах девушки не было ничего лишнего. Обычный живой интерес новичка, равнодушного. Только вот, интерес этот разбередил в нем что-то нехорошее. То, что пугало, злило, выявляло слабости, о которых он давно забыл, уверенный, что они похоронены.

Вероника все это выслушала, не дрогнув ни одной мышцей, не выказав никакого волнения. Дождалась окончания тирады, и выдала:

– Ну, так дай мне эту возможность. Александр Павлович сказал, что я у тебя научусь тому, что никто и никогда не покажет в нашем офисе. Там все, будто волки дерутся за каждый объект, за каждый килобайт собранной информации. У каждого "база" связей, знакомых и друзей. И никто не хочет ею делиться, потому что без "базы" и знакомств половина всех управленцев вылетела бы к черту, сквозь закрытые двери. Там опасно даже просить, чтобы кто-нибудь поделился сведениями.

А здесь я не мешаю никому: посмотрю, поучусь уму-разуму, и уеду. Каждый знает, что я – не конкурент, и приехала ненадолго. Надеюсь, что никто не будет скрывать данные, жмотничать...

Ну, пожалуйста, можно? Это мой единственный шанс. А бумажки изучать я могла бы и дома...

Первым желанием было послать её нафиг с такими идеями: не хватало, чтобы девчонка шаталась по стройкам, да под ногами путалась... А потом догнало озарение: может, оно и к лучшему? Чем дальше от источников информации, документов, переговоров – тем лучше для него и для душевного спокойствия. Главное, проинструктировать ребят, чтобы не таскали туда, где ей быть не следует. На каком бы хорошем счету ни находился Денис, а у него тоже были свои секреты. В нашем мире те, кто играет по правилам, совершенно без мухлежа, далеко не заплывают – нет шансов удержаться при сильном течении. И он, как и все, делал вид, что все чисто и гладко, но местами правила нарушал. Палыч, как и все остальное начальство, об этом, наверняка догадывался, но предпочитал вопросов ненужных не задавать. А если эта красotka что-нибудь выкопает, и на блюде шефу принесет, уже легким прикрытием век не отделается. Он будет вынужден разобраться, разгону дать, потребовать – проконтролировать...

После, конечно, волна сойдет на нет, и все вернется туда, где было. Да только вот, Денис не хотел и временных перемен. Ему забот и так по уши было.

– Хорошо. Завтра прикрепим тебя к Евгению, это мой зам, один из двух. Второй – в отпуске. Помотаешься с ним, посмотришь, что к чему... Только, чур, потом не жаловаться! И не проситься обратно в теплый кабинет!

Глаза Вероники просияли, да и вся она просто расцвела. Еще чуть-чуть – и бросилась бы на шею... Остановил только хмурый вид Дениса, который старательно изображал страшного и неприступного шефа. Хотя, если по-честному, очень хотелось поржать, от того, как мало ей для радости надо.

Знал бы о этом тот же Евгений, который мечтал хоть пару дней провести, по-тихому, закрывшись в кабинете...

– Все, хватит болтать, поехали.

Наблюдая, как девушка натягивает сапожки (ну, если не врать самому себе – на лодыжки засматривался, обычно не видные из-под штанов), снова нахмурился:

– Если ты действительно бегать собралась по стройке, про каблуки забудь. Ни один мой прораб или инженер тебя и к порогу не подпустит, и ворота не откроет. Форсить там не перед кем, а ломанные ноги мне совершенно ни к чему.

Удивленный взгляд снизу вверх, из-под упавших прядей:

– Естественно... Я только рада буду побегать в кроссовках. Не очень люблю на каблуках ходить, но, вроде бы, у нас положен дресс-код в офисе... Или ты у себя отменил?

– Не помню. Кажется, не отменял, но не уверен, что в моем филиале его кто-то вводил...

Он точно знал, что никакого "кода" у них и в помине не было. Этот филиал сам же с нуля и создавал.

По дороге поглядывал на пассажирку, стараясь делать это максимально незаметно. Вроде бы, получалось... А почему бы и нет? Вероника совсем не смотрела в его сторону, а просто прилипла к окну. Ничего удивительного: до этого катались только по темноте, которая здесь почти не прекращалась, а тут – шанс хоть немного рассмотреть город...

Но, через время, он понял, что Вика ничего за окном не видела: явно задумалась о чем-то своем, и глубоко... Она хмурилась, нервно покусывала губы (видимо, неосознанно – слишком уж сильно искусала), а Денис пытался угадать, что опять девушку взволновало. Вроде бы, в машину садилась вполне себе бодрая и веселая...

Похоже, к чему-то она неожиданно пришла: резко повернулась, уставилась на него, ожидая, пока обратит внимание. Обратил, когда встал на светофоре. Молча дернул бровью, давая понять, что готов слушать.

– Денис, прости меня, пожалуйста...

– Вот же черт! Мы это, вроде обсудили?! Зачем ты опять заводишь ненужный разговор?

Она вспыхнула:

– Я не о том... Не о дисциплине...

Денис подобрался внутренне: сам факт извинений за что-то, о чем он сам не догадывался, как-то напрягал. Что она успела уже натворить за сутки?

– А о чём?

Она потупила глаза... Жаль, но смотреть внимательно на смену выражений лица не получилось: зеленый свет, сзади уже сигналили, пришлось тронуться. И куда могут спешить люди в этом захолустье? Здесь пешком все обойти – сорок минут...

– Я вчера слишком резко высказалась. Разошлась почему-то, и ляпнула первое, что пришло в голову.

– Не понял. Ты про какой конкретно момент?

– Ну... – Мучительная пауза. Видно, как собирается с мыслями, пытается выдавить что – то, явно сложное. – Когда сказала, что ты можешь быть предателем...

– А... Вон оно что... – Теперь уже он потерялся : как реагировать? Сказать, что простил уже и забыл? Это будет неправдой – его эти слова реально зацепили. Не так, чтобы думать всю ночь напролёт, но – вот, когда напомнила, сразу зацарапало что-то...

Она помолчала. Вздых. Новая попытка объясниться. Удивительно упорная девочка – не ломается, и молчания не испугалась, такого многозначительного.

– Я не имела права так говорить.

– Ну, почему же? Я спросил, ты – ответила. Не за что извиняться.

– Есть за что.

– А именно?

– За то, что такие слова нельзя бросать, не подумав...

Господи, вот же ребенок упал на голову... Еще не растеряла веру в светлые принципы? Может, и принцы на белых конях еще под окошком бродят? Детский лепет. Хорошо, сдержался и не выдал все это вслух.

– Наоборот, чем меньше человек обдумывает свои слова, тем больше шансов услышать правду.

– Но это же не так! Я же не правду сказала!

Дэн осознал, что эти её попытки извиниться льют бальзам на душу, зажтвляют. Хотелось еще попытаться, послушать о том, что она не права, а он – Дэн – хороший. Не для того, чтобы этот детсад помучать, а – для себя...

– Хочешь сказать, что ты все обдумала и решила, что я, Дмитриев Денис Игоревич, кристальной души человек, не способный на предательство? И вообще, чист перед Богом и людьми, аки белый лист, и совесть у меня незапятнанная? – Вопрос незаметно стал превращаться в горькую насмешку над собой, которую сдержать оказалось не в его власти.

Вероника молчала, нервно теребя перчатки.

– Ну, теперь уже отвечай, раз завела эту тему...

Они уже стояли на парковке у офисного здания, и теперь Дэн имел возможность следить за ней, развернувшись всем корпусом к девушке (благо, пространство позволяло), и, не отрываясь, смотрел.

А она все ниже опускала голову, губы опять искусала... Больно видеть... И ждать – тоже времени нет.

– Вика, не испытывай моё терпение. Говори.

Она вскинулась, глаза – сердитые, почти закричала:

– Да не знаю я! Понятия не имею, что ты за человек! Мы знакомы два дня, как я могу распознать, на что ты способен?

– А через сколько дней сможешь? – Ситуация, честно говоря, уже забавляла...

– Понятия не имею... – Еле слышно, отвернув голову, пальцы опять нервно забегали...

Пора было прекращать этот фарс.

– Вот скажи мне, пожалуйста, Вика. Ты же планируешь надолго остаться в бизнесе? Да? Иначе, вряд ли бы сюда поехала?

– Да. – Скорее, увидел кивок головы, чем услышал ответ.

– Ну, с такой нежной психикой и тонкой душевной организацией тебя здесь в два счета сломают, в порошок разотрут и выкинут. Прекращай страдать ерундой. Сказала то, что хотелось, – на этом и остановимся. А терзания души оставим для библиотекарей и учителей. Все понятно?

– Сам ты дурак, Денис. – И выпрыгнула из автомобиля. И что на это прикажете отвечать? Одним словом – женщина. И это все объясняет...

Он не стал заморачиваться по поводу выкрутасов женской логики, не до этого было: и так, столько времени потерял, благодаря девчонке...

Вызвонил зама, представил его Веронике, проинструктировал – куда водить, что показывать, а куда – не стоит. Женька, слава Богу, парень понятливый, живо смекнул, что новенькую не нужно вводить в курс всего, чего ей знать не положено. Сдал её на руки заместителю и до вечера забыл.

Вспомнил, снова, только поздним вечером. Вернее, она напомнила о себе сама.

Поскреблась аккуратно под дверь, потом открыла на несколько сантиметров – так, чтобы только голову просунуть...

– Денис Игоревич...

Он оторвался от монитора, на котором пытался прочесть мудреные условия очередного тендера. Строчки расплывались, а предложения путались. Но он знал, что прочитать его нужно сейчас, и подготовиться. Чтобы на утренней планерке раздать задания без задержек. От того, на сколько он правильно сейчас все поймёт, зависит половина успеха. А ему нужен был сто-процентный успех.

– Вика? Извини, снова из-за меня пришлось задержаться... Сейчас дам тебе ключи от дома и вызову такси. Будем надеяться, что кто-нибудь приедет...

– Да я не тороплюсь, вообще-то... В ближайшие пару месяцев мои вечера абсолютно свободны... Я подожду. Вообще-то, я кофе сварила. А еще купила печенья и пряников, пока с Женей каталась. Тебе сколько сахара положить?

Вот так вот. Сквозь мутную пелену из букв и цифр, забившую голову, он заметил: никто не спрашивал, хочет ли он, в принципе, этого кофе... Это было свершившимся фактом: кофе сварен, налит, и Денис будет его пить. С печеньем и пряниками. Ему оставили право выбора только в вопросе с сахаром – сколько скажет, столько и будет насыпано... Великодушно, однако.

Если девочка все вопросы задает в таком стиле – она далеко пойдет. Может, попробовать дать ей пару человек в подчинение (так, по мелочам), вдруг, что путное выйдет?

Он, похоже, завис на этих раздумьях, потому что Вика, не выдержав паузы, снова уточнила:

– Так сколько тебе сахара, Денис? Все остынет и станет невкусным. – Одну ложку. Тащи свой кофе. Не мешает передохнуть. – Он тоже умел играть в эти игры: вроде бы, и согласился с предложением, но инициативу перехватил...

– Может, лучше ты сюда? Не хочется поднос таскать, да и ты передохнешь хоть немного. Нельзя так насилловать мозг, он тоже иногда ломается...

Предложение было чересчур заманчивым... Может быть, пара минут отдыха, действительно, поможет взглянуть на этот несчастный текст по-другому?

Он, вздохнув, поднялся, повел плечами, растер шею и затылок (только сейчас понял, как они затекли)...

Девушка продолжала стоять в проходе, внимательно следя за его действиями, словно боялась, что он передумает и снова усядется в кресло. Наивная. Еще не знала, что Дмитриев Денис решения не меняет. Вообще. Или крайне редко, если только есть обстоятельства непреодолимой силы.

Она дождалась момента, когда он выйдет из кабинета, молча пропустила, а потом уже подошла к столику, на котором дымился крепкий ароматный кофе. Дэн понял, как не хватало для счастья именно его... Рот наполнился слюной в ожидании горькой терпкости...

– Ну, давай, ухаживай, раз предложила... Он откинулся на кожаном диване, который до этого не знал столь высокой чести – принимать на себя зад Главного. На нем сидели только посетители-просители. Денис хмыкнул, поймав себя на этой мысли... Вероника отвлеклась от размешивания сахара (надо же, какой сервис):

– О чем веселье?

– Да так... Я когда-то столько времени убил, чтобы подобрать сюда мебель, создать обстановку... А сам ни разу ей не пользовался...

– Ну, обстановка у тебя получилась, могу уверить... – Она поставила чашку и вазочку со сладостями на столик, сама же стянула из нее конфету и отправилась за своей чашкой. Денис расслабленно наблюдал, как покачиваются бедра девушки и как-то отстраненно думал, что здесь, оказывается, очень удачный ракурс для наблюдений...

Только вот, его посетителям не так повезло, как ему: им приходилось рассматривать сухопарую фигуру секретаря, в которой смотреть было не на что. Хотелось надеяться, что аппетитные выпуклости Викиного тела здесь еще никто не успел узреть... Мысленно дав себе подзатыльник за то, что думает не о том, прислушался к её словам...

– Над чем ты так усердно работаешь, Денис? Это что-то важное и срочное?

Она непринужденно присела на край стола, смотрела на него поверх ободка чашки, прикрывая любопытство такой ненадежной преградой. А он видел, что в её глазах светится неподдельный интерес. Может, побаловать девочку отрывком информации? Пусть попробует поточить свои зубы о реальные документы, а не ковыряется в той фигне, что ей подсовывал вчера Алексей?

– Важное. Срочное. С завтрашнего утра мы начинаем работать над новым тендером. Планируется строительство целого микрорайона. Я хочу стать генеральным подрядчиком.

– Круто! А зачем он здесь? – Все понятно. Обычное недоумение – зачем вымирающему городу новые дома? Кто здесь жить-то будет?

– Затем. Недалеко отсюда расширяют военный полигон, очень крупное строительство. Многолетний проект. Нужны постоянные трудовые ресурсы, которые приедут, осядут здесь если не навсегда, то надолго. А им нужно где-то жить.

– Ого. То есть все, что до этого происходило – только подготовка?

– Да. Сейчас в это захолустье начнутся безумные вливания бабла, и хотелось бы получить их часть, пока поток не иссякнет.

Вика уже не выглядела легкомысленным ребенком, которому доверили поиграть во взрослые игрушки. Она что-то просчитывала в уме, прикидывала. Дэнну казалось, что он видит, как шуршат шестеренки в её мозгу.

– Погоди, но сейчас же сюда ломанутся все, кому не лень? Сразу возникнет миллион конкурентов, которые раньше не лезли, считая, что делить нечего?

– Да. Поэтому мы должны быть первыми. – Он отхлебнул уже успевший остыть кофе, печенье в горло не лезло, хотелось мяса.

Она снова о чем-то покумекала, вычерчивая ложечкой странные узоры на блюде...

– А можно и мне посмотреть? Пожалуйста... Может быть, у меня больше никогда не будет такого шанса. А? – А, чем черт не шутит, пусть почитает. Все равно, этот документ выложен в сети на гос.сайте. ничего секретного. При желании, сама все найдет...

– Уговорила. Будешь должна. – Легкая улыбка в ответ. Зря она так спокойна. Денис долго не забывал. Ни своих, ни чужих. Время придет – напомним. – Сейчас выложу файл в сетевую папку. Оттуда откроешь. А я пойду, поработаю еще.

– Спасибо огромное!!! – Можно подумать, он ей подарок вручил... Сейчас прочитает пару страниц и потухнет радость... – Давай, тебе еще кофе налью? Что-то перестаралась, слишком много сварила.

– Давай. – Не дожидаясь, вернулся в кабинет, побыстрее скопировать этот несчастный файл, и заняться делами.

Она молча проследовала за ним, поставила на стол новую порцию напитка.

– Смотри: пройдешь вот по этому пути, – он нарочито медленно нажимал на кнопки и ярлычки, чтобы Вика запомнила с первого раза, – вот этот файл. Только в нем ничего не меняй, не вырезай, не копируй. Если очень припрет – можешь сделать копию и перекинуть на

свой диск. Вот там – пожалуйста, хоть во все цвета радуги разукрась, поменяй местами буквы – что угодно. А этот вариант завтра будут читать все сотрудники. Там куча моих пометок и пояснений.

Он рассказывал ей эту чешую с непробиваемым видом, а сам старался держать внутри зачистившее дыхание. Слишком близко подошла, слишком плотно придвинулась бедром к подлокотнику кресла, слишком ярко ощущался аромат её духов, смешанный с запахом ванили и кофе... Слишком опасно и притягательно пахла... Черт! Что, вообще, происходит с его организмом? Вокруг Дениса хватало молодых и интересных девиц, но ни на одну он так остро еще не реагировал...

Наверное, воздержание чересчур затянулось... Нужно на выходных стогнать в гости к давней подруге... К себе в гости не приведешь: ни одна, ни другая не смогут понять... Да и ни к чему смущать Веронику... Или, наоборот, смутить, чтобы поскорее собрала пожитки и свалила к своему муженьку, или кто он там ей?

Дэн сейчас, наконец, осознал, что его за мысль преследовала, связанная с этим мифическим товарищем: если специально держать Вику в своей квартире, не переселять, любой нормальный мужик возмутится и потребует, чтобы жена собрала вещи и мотала быстрее восвояси. Иначе семейная лодка может дать крен. А Вероника ей, видимо, дорожила... Вон, как горели глаза, когда убеждала его в том, что пользуется бесконечным доверием. Смешная. Так не бывает. Абсолютно доверчивый мужик – либо совершенный лох, либо ему абсолютно пофигу до женщины: просто неинтересно, где она, с кем, и чем занимается. Пришлось прогнать очень грустное "Ага, сам ты и был тем самым лохом"... Теперь эта мысль уже не была столь болезненной, как раньше... Но душу, однако ж, не грела...

– Поняла? Иди, попробуй сама найти. – Что-то слишком чувствительным он становился в присутствии этой особы...

– Да, вроде бы... Пойду. Тебе дверь в кабинет закрыть?

– Нет, оставь. Ты мне мешать не будешь, а больше здесь никого нет. – Он даже себе самому не хотел признаваться, что близкое присутствие девушки делало официальную обстановку уютнее...

Минут десять удалось поработать в относительной тишине... Раздавалось лишь клацанье мышки – естественно, на столе у Вики, себе-то он давно подобрал бесшумную. И только он, вроде бы, начал втыкать в нюансы документа, радуясь, что нечаянный перерыв помог, как раздалось:

– Денис... – Очень жалобно. – Прости, что отвлекаю, но мне никак этот грёбанный файл не открыть... – Ему показалось, или, действительно, в голосе девушки слышались раздраженные нотки? Это не Вика сейчас должна раздражаться, а он, Денис, за то, что его доброта ему же и принесла новые проблемы...

– В чем дело?

– Он говорит, что это неизвестный формат, предлагает найти приложение в Интернете... А оно не находится... Никак...

Пришлось подниматься и идти спасать. Сколько еще проблем создаст ему эта подопечная? Он медленно и неотвратно начинал закипать...

– Показывай. – Подошел, наклонился. Несколько ближе, чем требовалось для того, чтобы видеть значки на экране.

– Вот. – Снова нетерпеливый, обиженный голос маленького ребенка.

Проблема оказалась настолько мелкой, что захотелось смеяться: сам же при копировании сохранил документ не так, забыл добавить нужное расширение.

Но за то, что постоянно врывается в рабочий процесс, переживания, мысли, девушку стоило наказать. Не сильно – просто проверить... Что? И Сам не до конца понимал...

Он практически навис над ней: одной рукой обхватил спинку стула, вроде как, для равновесия, другой облокотился на стол. Почти прижался, делая вид, что внимательно смотрит в экран. Она тоже смотрела. Как будто внимательно. Вот только спина – неестественно прямая, и практически вдавилась в кромку стола животом, стараясь избежать его касаний. Значит, чувствовала, и заметила. Поэтому щеки зарозовели, и губы – закусены. А игра оказалась увлекательной...

– Черт, вроде бы, нормальный файл... Должен открываться... Может, парни тебе старую версию офиса поставили? Дай-ка, я посмотрю. – Оттягивая момент неизбежного открытия, придумывал варианты на ходу, не боясь выглядеть глупым. Если она с первого взгляда не увидела его ошибку, значит, и сейчас не поймет. А ему нравилось, как она внимательно наблюдала за его действиями, за тем, как быстро сворачиваются и разворачиваются окна, мигают надписи. Он уже потыкал курсором во все места, которые мог вспомнить из времен, когда полмесяца сидел без администратора системы...

– Проверку дисков на вирусы, что ли, для надежности запустить... Вдруг, на этой машине какие-то флешки ненужные смотрели... Ты ничего не вставляла сюда? – Это уже для большей достоверности. Сам прекрасно знал, что ни одна флешка не могла победить защиту.

– Нет. – Пораженный вздох. – Я о них даже не думала.

В какой-то момент у Вики закончилось терпение: она аккуратно перехватила руку, державшую мышь... Его словно током дернуло... Быстрый взгляд – не заметила ничего, потом подняла голову:

– Можно, я попробую? Ты говори, что делать, а я буду запоминать... – И глаза, в которых светилось... восхищение? "Господи... Девочка, что ж ты делаешь? Разве так можно на мужчин смотреть? С мольбой и примесью радостного удивления? Самый страшный сибирский неотесанный медведь расплавится..."

– Хорошо. Давай, нажимай сюда, - ткнул пальцем в экран, придвигаясь почти невозможно близко. Еще пара миллиметров – и они вместе лягут на стол... Какая ж, однако, мысль правильная. Только – рано пока. Нужно приучить к своему присутствию.

Откуда взялось решение о том, что нужно её приучать – Денис даже не задумался. Решил – и все. Менять что-то поздно. Слишком давно никто и ничто так не будоражило кровь, как её присутствие. Отдельная квартира... Ха. Теперь ему будет скучно, если однажды придет, а Вики там не окажется. Может быть, он переутомился, может быть – что-то ещё... Возможные трудности как-то не принимались в расчет.

Будто невзначай, сдвинул пальцы со спинки стула на её плечо... Теперь они аккуратно лежали почти рядом с горловиной свитера... Чуть-чуть шелохнись – и подушечки лягут на оголенную шею, коснутся тонких завитков, выбившихся из высокой прически. Он этого не видел – все так же, придуриваясь, глядел в экран, зато очень хорошо чувствовал грань, после которой наступит быстрое поражение. А так хотелось просто невесомо пройти костяшками по нежной коже... Всей рукой нельзя – может высесть разряд, сжигающий пробки, к чертям. Он вообще сейчас плохо понимал, что происходит. Просто хотел её трогать. Положить подбородок на плечо и наблюдать до бесконечности, как она, повинаясь его бредовым подсказкам, водит стрелкой... Вдыхать воздух, нагретый теплом женского тела, пропитанный ароматом ванили, но не приторный – ваниль разбавлена чем-то свежим, чистым...

Похоже, что он чересчур увлекся ощущениями: не расслышал вопрос.

– Денис, мы уже столько времени твоего потратили... Мне до чертиков неудобно, что ты здесь сидишь, а я отвлекаю от важных дел...

Она снова повернула голову, чуть не задев его подбородок. Посмотрела снизу вверх. Этот взгляд, такой правильный, такой, каким он должен быть, когда женщина смотрит на мужчину, признавая его силу, мощь, да все, что угодно... Пошатнулись остатки его хваленной выдержки.

Ничего не смог сказать. Задержав дыхание, смотрел в неё, куда-то вглубь, что-то жадно выискивая... Он так долго уже не пытался найти в женщинах что-нибудь, кроме удовлетворения обычных потребностей, и они в нем ничего подобного не искали. А эта – примагнитила. Вспомнилось почему-то, что когда человек прикасается к оголенному проводу, сам уже не сможет оторваться. Он сейчас точно так же себя ощущал... Её открытость прошибла насквозь, с такой силой, что в ушах застучало. Сглотнул. Постарался разжать пальцы, забытые на плече девушки. Удалось не сразу.

Она что-то поняла. Глаза пораженно распахнулись, зрачки расширились, растерянно моргнула... "Не отворачивайся... Пожалуйста... Ещё пару секунд..." Непонятная малолетка перестала быть смешной и ненужной. Не отвернулась. Нет. Продолжала втягивать в себя, притягивать... Нервно облизнула губы... Зря она это сделала...

Жгучее напряжение скрутило еще более тугим узлом. Он тоже облизнулся, предвкушающе... Уже представил, какими они будут – жаркими или прохладными, послушными или жадными... Где-то в закоулках сознания пронеслось: "Тормози! Не гони коней, спугнешь..." Жалкие крохи благоразумия цеплялись, не желая уходить, но их сметало. Глупостью, конечно, несдержанностью, чем-то еще, чем Дэн никогда не мог похвастаться... Раньше не мог. Сейчас почти радовался тому ощущению бесшабашной смелости, что давно уже успел позабыть...

А вот ей, похоже, смелости не хватило. Секунда, и из взгляда ушла покорная растерянность. Будто щелкнул затвор фотоаппарата, птичка вылетела – и пропала. Вика попробовала отодвинуться. Не вышло. С обеих сторон была зажата его руками. Теперь, он ясно видел, она пыталась сообразить, как выйти из неловкой ситуации. Но помочь не пытался. Не хотел.

– Денис... – Тихо и неуверенно... Словно с опаской, что спровоцирует. Правильная боязнь. Она сейчас вся была – сплошная провокация. Хотелось утешить и погладить по голове, успокаивая и возвращая доверие, которое только что пропало, просочилось, как вода в песок. А потом снова растревожить...

– Ммм? – Лениво, с ожиданием: "Как будешь выкручиваться?"

– Мне кажется, уже пора домой. С этим несчастным файлом можно просидеть до полуночи, и все будет зря...

– Однозначно. – Знала бы она, как все просто...

– Тогда... Поедем? – Надежда на быстрое избавление от неловкости так и сквозила.

– Угу. – Не шелохнулся. Хотя, видит Бог, руки все так же нестерпимо зудели от желания стиснуть, подмять, исследовать...

Она вздохнула.

– Так может, уже выпустишь меня? Мне не очень удобно..

– И что мне за это будет? – С мягким, искушающим любопытством.

Все. Доигрался. Створки окончательно захлопнулись. Холод в глазах, плечи уверенно дернулись, сбрасывая чужие руки.

– Тогда я не дам тебе по лицу. Больно-больно. Я умею. – И такая убежденность прозвучала, что он рассмеялся.

– Неожиданно.

– Неожиданно будет, когда схлопочешь. Обычно я не предупреждаю.

Он еще выдержал небольшую паузу, буравя девушку насмешливым взглядом, она отвечала -воинственным. Через несколько секунд решил, что достаточно будет на сегодня, отстранился.

– Что ж, собирайся. Поедем. Ты права – толку от сидения здесь не будет.

Отошел в сторону, однако, продолжил наблюдать: интересно же, как себя поведёт дальше?

Нужно отдать должное, держалась девушка хорошо: позакрывала все окна, отключила компьютер, затем монитор, потом покидала вещи со стола в сумочку... Только потом подняла глаза:

– Я пойду, чашки помою, а Вы свой ПК отключайте, и можно выдвигаться.

Не дожидаясь ответа, собрала на поднос посуду и ушла из кабинета. Что это было: попытка держать дистанцию, или демонстрация независимости? Денис не разобрался. Понял только, что все недовольство, если оно и было, девушка в себе сдержала. Заметил под её клавиатурой белый прямоугольник – лист, вырванный из блокнота, исчерченный непонятными квадратами и стрелками, среди них – куча буквенных сокращений. Некоторые – вверх ногами. Засмотрелся, пробуя разобраться – что бы это могло значить... На этом Вероника его и застала.

– Расшифровать пытаешься?

– Ну, да... Тут специалист из школы разведчиков, наверное, нужен. Без пол-литра не разберёшься...

Девушка еле заметно усмехнулась:

– А что тут разгадывать? Это все, что я сегодня узнала с Евгением, пыталась зафиксировать.

– Неужто, у нас все так сложно? Мне казалось, очень простая организация...

– Это тебе так кажется. А мне, зеленому стажеру, сплошной лес дремучий. Потом пойму. Это так, для того, чтобы основные идеи запомнить...

Денису такой метод показался очень странным: в его ежедневнике записи велись четко, подробно и внятно. Так, чтобы даже через полгода поднять и не раздумывать – что означают эти два квадрата, соединенные двусторонней стрелочкой, а между ними – кружочек. И в каждой фигуре – буковки...

Но вслух свои мысли высказывать не стал: вроде бы, Вика немного оттаяла, не стоит обратно морозить...

Но, похоже, оттепель была временной: после нескольких слов про записи, девушка отделялась только короткими, малозначащими фразами. Это было странно и будто бы уже непривычно. Смешно: как можно привыкнуть к человеку за двое суток?

Тем не менее, в автомобиль она уселась вообще без слов, а потом закрыла глаза и откинулась на подголовник. Можно было бы подумать, что задремала, да только вот, плотно сомкнутые губы и хмурая складка между бровей выдавали обман полностью.

В квартире она разделась сама, не дожидаясь помощи Дениса, скинула куртку, повесила на крючок, ушла в ванную. Оттуда – напрямую в комнату. Дверь плотно прикрыла. Дэн решил дать ей время на то, чтобы переодеться, сменил костюм на домашние брюки с майкой, разогрел ужин. Девушка не появлялась. Ужин стыл в тарелках. Он не выдержал – пошел вызывать. Аккуратно стукнул по косяку, подождал, снова постучал ("Что она там, заснула?"), услышал глухое "Да"...

– Вик, ты идешь ужинать? Все готово.

– Спасибо. Я не голодна.

– Ну, пойдем, хоть чаю попьешь...

– Я только что вылебала две чашки кофе. Куда мне ещё?

До него начало доходить:

– Ты что? Обиделась? Голодовку объявила?

Она дощелкала что-то на своем ноуте, проследила, похоже, за отправкой сообщения, и только потом подняла глаза:

– С чего Вы взяли, Денис Игоревич?

– С того. Думаешь, не заметна разница между тем, как ты обычно себя ведешь, и как – сегодня?

– Вам показалось. – Буркнула, глядя не на него, а в экран.

– Вика, не держи меня за идиота. – Постарался, чтобы это звучало максимально ровно. – Я все прекрасно вижу.

– Денис Игоревич, а Вам не кажется, что мое рабочее время закончилось, и я имею право делать то, что хочу, а не то, что Вы скажете? – Таким же ровным тоном, и взгляд спокойный... Только вот, надменно поднятая бровь снова выдала все, что должно было прозвучать, да было удержано...

– Ясно. Нравится – дуйся дальше. Уговаривать не буду. Не маленькая. – Он напоследок окинул взглядом комнату, которая раньше никогда не была уютной. А сейчас – стала. Мягкий свет ночника, задернутые шторы, по которым пробегают отсветы фар проезжающих редких автомобилей... Девушка, сидящая по-турецки на неразобранной кровати... Иллюзия чего-то, чего не было и быть не могло никогда. Дэн в своей жизни такого не помнил.

Непонятно, что его дернуло сделать последнюю попытку:

– Я скинул тот файл со своего компа на флешку. Будешь читать?

– Спасибо. Только я его уже в Интернете нашла. Не нужно.

Тут он уже не выдержал. Развернулся, чуть дверью не хлопнул – хватило ума не показать, как задело пренебрежение... Ушел.

Ужин еще никогда не был таким пресным. И чай отдавал какой-то примесью химозы. Он не хотел признаваться самому себе в причинах. Просто включил ноут и углубился в работу. Злость всегда помогала. И сейчас помогла разобраться в том, на что бесплодно потратил до этого уйму времени. А сейчас пазлы сложились всего лишь за десять минут.

Глава 3

Вероника чувствовала себя совершенно растерянной и выбитой из колеи. Откровенный мужской интерес, который светился в глазах Дениса Игоревича, ну, никак не вписывался в её образ нормальных рабочих отношений. И в образ Дениса это тоже не укладывалось. Она обиделась и выпустила колючки, в качестве защитной реакции. Понимала, что мужчина, скорее всего, тоже обидится – ведь пытался достичь перемирия, а она не пошла навстречу. Очень хорошо представляла, каково это – чувствовать, как отталкивают протянутую навстречу руку. Удар по самолюбию, и очень мощный. А то, что мужское самолюбие намного нежнее женского, она уже знала.

Это была одна из тех немногих мудростей, касающихся мужчин, которые Вера успела накопить за свою сознательную жизнь.

Так вышло, что мама, брошенная отцом через несколько лет после рождения девочки, искренне считала, что все мужики – сволочи и уроды, и предпочла поделиться с дочерью только этой информацией. Все остальное Вере пришлось познавать на собственной практике, методом проб и ошибок.

Практика тоже выдалась не очень обширной: когда все подружки уже бегали на свидания, влюблялись, страдали, расставались, учились кокетничать и разбивать сердца, попутно разбивая собственные, Вера пропадала в школе, бегала на кружки и дополнительные занятия, занималась работой по дому, так как мама постоянно устраивала личную жизнь. Раз от разу – все более неудачно.

Глядя на вечно несчастную и недовольную мать, Вера недоумевала: зачем ей это? Ведь жить вдвоем, без всяких мужчин, которые только приносят душевную смуту и терзания, намного проще и спокойнее. И сама старалась держаться подальше от парней, хоть иногда, по ночам, и тосковала: хотелось чистого, прекрасного, незамутненного чувства, о котором читала в книгах. Но ничего подобного не встречала. И слабо верила, что с ней такое когда-нибудь произойдет: не смотрели мальчики на немодно одетую девочку-зубрилку, слишком скучную и серьезную, с которой не о чем и поговорить. Пару раз Вера даже влюблялась в какого-нибудь старшеклассника, нечаянно ей улыбнувшегося... Но потом соображала, что это все ей показалось, и сердце со временем успокаивалось.

А на первом курсе, впервые вкусив прелестей самостоятельной жизни, Вера отведала и первую горечь отношений. Где-то сработал переключатель, и она, неожиданно-негаданно, втрескалась по самые уши в самого неподходящего парня.

То, что выбор неверный, знала она сама, знали подружки, знал и объект её пламенной любви. Андрей, небрежно флиртовавший с симпатичной серьезной девочкой, похоже, и сам испугался того, что с ней происходит. Честно пытался донести, что они разных полей ягоды, и не нужно даже смотреть в его сторону: не даст он того, чего ей хочется.

Веру эти доводы не убедили. Сама себе удивляясь, перла напролом, добиваясь встреч, приглашений в гости, свиданий... А потом плакала по ночам, страдая от ревности и неразделенной любви. Ненавидела себя за слабость, за неугомонную привязанность, за покорное всепрощение... За то, что возвращалась через пару дней после каждого громкого ухода. Хотя, Андрей не звал её никогда – сама находила поводы, совершенно глупые, чтобы вернуться. Он неизменно радовался возвращениям, но гулять направо и налево не прекращал.

Было больно, обидно и страшно за себя: Вера чувствовала, что куда-то катится, теряя самоуважение, веру в лучшее, но остановиться не могла. Минуты счастья наедине все перечеркивали – дни ожидания, ночи в слезах, месяцы неверия в себя, несколько лет, потерянных для нормальной жизни.

Она понимала, что это – не любовь, болезнь. Вот только, не знала от неё лекарства. Вылечить не могли даже невесть откуда взявшиеся поклонники. Нет, не так: она прекрасно понимала, откуда они взялись. В погоне за вниманием Андрея девушка научилась одеваться, краситься, говорить на "правильные" темы, остро и колко шутить (чтобы не плакать). Яркий мотылек вместо серой куколки, с бьющей в глаза женственностью – притягивал десятки взглядов, да только смотрел на один огонь.

За три года больных и болезненных отношений Вера несколько раз пыталась отвлечься, забыть с другими парнями Андрея, даже пробовала с кем-то встречаться... А потом он звонил, и все другие – хорошие, милые, надежные парни тут же оказывались забытыми. Даже имена стирались из памяти, не только номера из телефона...

А потом все прошло. Разом. Однажды, проснувшись рядом с Андреем, она с удивлением поняла, что этому совершенно не рада. И целый день вместе, который они планировали, стал ей совершенно не нужен. Глядя на лицо спящего парня, ясно увидела – не он. Совершенно отличен от героя романа, который она пыталась писать в одиночку. Собралась и ушла, тихо прикрыв за собой двери. Отправила СМС "Больше не звони, не нужно". Такую же, как сотни других до этого. Естественно, он не поверил, и через неделю позвонил (наверное, стало скучно и нечем занять вечер). В это момент Вера поняла: прошло, по-настоящему. Потому что не дрогнуло в душе ничего, пока она спокойно объясняла, что это все серьезно, и больше им говорить не о чем.

Странно и спокойно стало намного позже, когда поняла: больше ничего не дрожит, вообще. Ушла наивная девочка, влюбленная до одури, с детской верой в чудо. Не попрощалась. И забрала с собой что-то важное, Вера не могла сказать – что, но об этом безымянном не жалела. Вместо него пришел покой и отстраненная, насмешливая холодность. Сердце молчало, душа не тревожилась. Ей было хорошо, легко и спокойно. Впервые за несколько лет взрослой жизни.

Может быть, временами накатывала грустная скука – казалось, что жизнь пролетает мимо, в Вера смотрит на неё стороны. Не хватало ярких, живых эмоций. Но стоило вспомнить, как они резали по живому – успокаивалась, нет, больше такого не нужно. Хватит, наигралась с огнем.

Ей хватило ума не замкнуться, не прятаться от людей и новых отношений: она принимала внимание мужчин, пыталась даже с некоторыми встречаться... Но они до того не трогали подмороженную душу, что при малейшем намеке на сложности, девушка просто уходила, не оборачиваясь. Считала, что незачем тратить время и силы на то, что изначально строится на зыбком фундаменте.

Это слегка расстраивало и удивляло, казалось, что шансов на счастливую жизнь, семью, хорошие отношения становится меньше и меньше. Но, вместо того, чтобы горевать и убиваться по этому поводу, девушка занялась учебой, работой, друзьями. Временами даже верила, что этого ей достаточно.

А потом появился Миша. Просто однажды пришел в её жизнь и прочно обосновался. Вера еще сомневалась: нужно ли ей тратить время на этого мужчину, а тот уже все решил, и активно её "приручал".

Она еще раздумывала, как его представлять друзьям – своим парнем, или просто другом, или "Миша", без всяких пояснений (пускай сами додумывают), а его друзья и родственники знали, что у Миши теперь есть жена. Пусть – гражданская, это неважно. Зная Михаила, его близкие понимали: дело не в регистрации брака, или его отсутствии, если назвал так девушку – значит, так есть, и так будет всегда. Без вариантов и сомнений.

Это пугало, и в то же время – радовало. Впервые возник мужчина, который не оставил даже грамма сомнения в том, что Вера ему нужна. Такая, как есть. Это было самым дорогим подарком, что преподносила судьба.

Сначала она не верила, что это все – не шутя, а по-настоящему, что Михаил серьезно планирует их долгую совместную жизнь. Ей, почему-то, казалось, что настоящая семья – для кого-то другого, более удачливого... А она не умеет, не достойна, не знает... Что однажды Миша поймет, как ошибся с выбором, обнаружит подделку, и на этом закончится все. А оно – не заканчивалось. Вера изо всех сил, старательно, выпячивала недостатки характера, показала всю вредность, которая в ней была, и даже немного больше придумала. Не приходила домой вовремя (когда её дом стал их общим, вообще не поняла); пустилась в загулы с подругами и однокурсниками; на все Мишины претензии отвечала с вызовом и холодом: "Не нравится – до свидания! Никому не навязываюсь. Найди себе другую, подходящую". Не уходил. Говорил, что она еще маленькая дурочка, и кто-то из них двоих обязан быть умным. Видимо, это его тяжкая доля. Говорил и при этом тепло улыбался, всем видом давая понять: "Не уйду никуда, и тебя не пушу". Только однажды, после очередной глупой, безжалостной ссоры, которую снова затеяла Вера, он задал вопрос: "Ты действительно хочешь расстаться? Тебе со мной так плохо? Я делаю несчастной тебя?"

И она позорно испугалась. Хотя, всего одной ночью раньше добивалась, чтобы Миша обиделся, понял, что ничего не выйдет, и ушел. Ведь, чем раньше, тем проще расстаться: не так сильно успеют врасти друг в друга. Вот только не думала, что мужчина во всем обвинит не её, а себя. И вдруг поняла, что совершенно не хочет с ним расставаться. Убеждала саму себя, что – привычка. И лучше с мужчиной, который не заставляет сердце заходиться в сумасшедшем ритме, чем совсем без него. Не смогла ответить "Да" на вопрос, хочет ли она расстаться. Вышло так, неожиданно, что она этого вовсе не хотела.

Потом еще долго раздумывала над своим решением: казалось бы, так долго отталкивала, вынуждала уйти, а в самый ответственный момент – не рискнула. Почему? Не хватило смелости ответить на прямой вопрос? Ведь надеялась, что уйдет молча, без выяснений и разговоров. Но, с другой стороны, закаленная Андреем, Вера давно уже не боялась резать правду-матку в глаза, делать словами больно (чтобы саму ужалить не успели), отчего же теперь сдалась? А потом до нее дошло, с большим трудом и треском: ей никогда и ни с кем еще не было так хорошо. Никто не давал ей чувства собственной ценности, не думал о ней, не заботился, не оберегал так, как Миша. Вера не помнила отца, а мама считала, что ребенка нужно с детства приучать к самостоятельности. Она привыкла, и внимание партнера порой казалось чрезмерным, опутывающим, лишаящим свободы... Это пугало. И привязывало. Он долго не говорил ей ничего о чувствах. Просто был рядом и любил – не словами, поступками. И иссушающей душу нежностью по ночам. Иногда, глядя в его глаза, девушка и сама начинала верить, что вот-вот рассыплется на кусочки, чувствуя себя такой хрупкой и ранимой, что впору на руках носить и сдувать пылинки. Носил и сдувал. И она таяла от этой защищенности, расслаблялась, пропитывалась уверенностью в том, что уже не одна в этом мире, и кто-то однажды загрустит, если она исчезнет. Чувство окрыляло. В душе снова начали пробиваться ростки чего-то нежного и трепетного. Удивительного для неё: была уверена, что эмоции умерли и больше не проснутся. Он разбудил. А еще, она впервые поняла, как бесценно ощущение полнейшего доверия к партнеру. За три года их жизни с Михаилом, он иногда сомневался в ней, она – никогда. Повода не было. Ни малейших подозрений.

А сегодня ей стало страшно. До озноба и учащения пульса. Не Дениса она испугалась – себя. Что-то увидела на дне его глаз, пытливо всматривающихся, что-то поймала в том, как жадно раздулись ноздри, втягивая запах (казалось, пытался запомнить, чтобы даже вслепую узнать), что заставило задрожать какую-то потаенную струнку, о которой раньше не подозревала. И эта струна готова была оборваться от застывшего напряжения в воздухе. Она разозлилась. На шефа – за то, что посмел так на неё смотреть, без всякого на то приглашения. На себя – за то, что отозвалась. Было странно, боязно и сладко – как перед прыжком с высоты, когда за спиной – надежная страховка, но ты не до конца уверен, что – выдержит. А у Веры такой

страховки не было. И прыгать она не собиралась. Более того – не хотела. Поэтому психанула и нагрубила Денису Игоревичу, а потом еще и повела себя, как капризный глупый ребенок. Её, привыкшую жить рассудком, это убило окончательно.

Веронике необходима была пауза, чтобы подумать и придти в себя, не видя лица виновника сумбура, творившегося в душе.

На радость, в сети появилась подруга – та, которой можно высказать всё, не опасаясь упреков и осуждений. Её тёзка, с которой были пройдены огонь, вода и медные трубы, которая была рядом, вытирая горькие слёзы, и не уходила, когда нужно было с кем-то поделиться долгожданным счастьем...

– Привет, дорогая! Как жизнь? – Сообщение с кучей смайликов появилось, когда Вера еще раздумывала, с чего начать разговор...

– Привет... Жизнь, как в сказке, чем дальше, тем загадочнее...

– Так, с этого места поподробнее... Что там у тебя уже стряслось? Вроде бы, только приехала? Тебя обижают? Сейчас посмотрю, когда ближайший рейс, и выезжаю. Что брать? Пистолеты, топор, бензопилу? Сколько обидчиков?

В этом была вся Ника (они уже сто лет назад поделили одно на двоих имя пополам, чтобы не путаться, и не путать друзей): стоило Вере только заикнуться о своих проблемах, подруга с ходу ввязывалась в их решение. Иногда – шутя и только на словах, но даже такая поддержка, порой, помогала не увязнуть в тоске и депрессии. Когда рядом такой ураган – волей-неволей, зарядишься энергией...

– Ой, Ник, не нужно пока никого увечить и убивать... Мне кажется, я сама человека обидела. И теперь не знаю, как дальше быть...

– Здравсте, приехали! Кто мне всю жизнь талдычил, что обидеть невозможно? А можно только обидетьСЯ? Захотел этот чувак (или чувиха?) надуться – пусть себе дуется. Его право. Ты-то здесь при чем?

– Ника, ты сама себе противоречишь. Значит, меня обидеть могут, а я – нет?

– Канэш! Тебя нужно от обидчиков спасать, ты ж у меня дурочка нежная... – Эта фраза вызвала у Веры улыбку. Только Ника умела вот так выворачиваться, списывая нелогичность на искреннюю любовь и заботу. Но она прекрасно знала – за этими хохмами и напускной веселостью подруга прячет тревогу и, наверняка, хмурится задумчиво, глядя в экран, ожидая рассказа – что же, в конце концов, здесь происходит. – Давай, выкладывай, чё там у тебя, сто пудов, сама себя накрутила, а овчинка выделки не стоит.

– У меня шеф тут новый... – Сообщение улетело, незаконченным, от легкого нажатия клавиши "Enter"

– ? Уже интересно... И как он? Молодой, симпатичный?

– Ты же прекрасно знаешь, Ник, что я не обращаю внимания на других мужчин. Как-то в голову не приходит оценивать их по этим признакам...

– Ну, так я ж тебе и говорю – дурочка. Что здесь у неё куча классных мужиков под рукой, а она с ними "дружит", что там... Когда уже до тебя дойдёт, что мир не замкнулся на этом твоём ненаглядном Мишеньке? – Вери всегда расстраивало, что двое самых близких и любимых людей так и не ладили между собой. Ника была уверена, что Михаил просто не может быть достоин её прекрасной подруги, и не уставала об этом ей напоминать, благо, в глаза мужчине свое мнение не высказывала. Но и не старалась никогда изобразить к нему любовь, постоянно докапывалась по мелочам и подкалывала. Тот, в свою очередь, исправно делал вид, что не замечает её усердной нелюбви, но Вера знала, что он, порой, зубами скрипит, чтобы не высказать все, что думает. И только наедине позволял себе сообщить, что Ника его раздражает, и вообще не нравится. Видно было, как расстраивается, если Вера уходила с подругой гулять, посидеть в кафе, или на танцульки. Но общаться не запрещал, зная, к тому же, что с Верой

непозволителен язык запретов: может вызвать только обратный эффект. Рисковать отношениями не хотел, тем более, не настолько важный повод...

– Прекрати уже к нему цепляться! Не пойму, что за кошка между вами проскочила..

– Он тебе не подходит.– Этот аргумент, в глазах подруги, был железобетонным. К нему всегда придумывались еще сотни дополнительных, но "не подходит"звучал всегда.

– Откуда тебе знать? Он лучший мужчина в моей жизни.

– Ага. Потому что вцепилась в него, а на других и смотреть не пробовала.

– Сама прекрасно видела, что не я, а он в меня вцепился. И не хочу я ни на кого смотреть.

Мне с ним хорошо.

– Ну-ну, давай, заведи свою волынку "спокойно, уверенно". Прямо как старуха древняя!!! Вера, да ты мне еще ни разу не сказала, что любишь его! Какое хорошо-то? Кому другому рассказывай! У тебя глаза перестали блестеть... Ходишь вечно, потерянная."Миша то, Миша сё"... А где Вера-то,скажи?

– Ты прекрасно знаешь, что я не привыкла разбрасываться такими словами. Хватило уже опыта. Достаточно того, что я их Мишке говорю...

– Аааа... Даже так? Это прогресс! Тогда, глядишь, через десять лет и сама согласишься...

– Иди ты нафиг, дорогая! Хотела с тобой поделиться, а вышло, что снова должна оправдываться... Сколько можно?

– Прости. Не нужно мне оправданий. Просто хочу, чтобы ты поняла, что у вас не те отношения, когда люди счастливы. Ты за ним просто прячешься от самой себя, и мужик страдает, и тебе нехорошо. – Слушай, психолог ты мой доморощенный, откуда тебе знать, что у нас происходит? Пара пьяных фраз, ничего не значащих, и все – ты уже диагноз поставила. – Вера уже сотню раз пожалела о том дне, когда ляпнула подруге о том, что чего-то ей не хватает в жизни, а чего – неизвестно.

– Ладно, проехали. Эту тему можно мусолить бесконечно. Все равно – толку ноль. Что там с шефом-то стряслось? Ты же с этого начала...

– Ох, Ника... Я не знаю, что с ним. Станный какой-то...

– Да? В чем выражается? Мычит, глазами косит, не по-русски выражается? – И снова цепочка подмигивающих смайликов...

– Лучше бы так... Он то не замечает меня, то отчитывает, как маленькую, то подозревать начинает в какой-то ерунде... Потом, вдруг, пожалеет, сегодня выпастся дал до обеда, и не ругался, что проспала еще дольше...

– И что здесь такого? Все начальники, в большинстве своем, с приветом. Доля у них такая. Станешь ты большой шишкой – и тебя будут странной считать.

– Ну, Палыч-то у нас не такой... – Ника успела поработать у них пару месяцев, когда практику проходила, и Веру в компанию она же и привела. Только сама сбежала, подалась к родителям, а подруга осталась, и надолго.

– Палыч – редкий экземпляр. Штучной выделки. Не стоит на него равняться.

– Не знаю... Я к нему так привыкла...

– Так в этом вся проблема?

– Нет...

– ? Я уже не знаю, что и думать...

– Что,что... – Девушка уже пожалела, что завела этот разговор. Ника теперь, как клещ, вцепилась – не отвяжется. – Мне показалось, что он целоваться ко мне полез...

Она отправила сообщение и замерла. В ответ – тоже тишина. Видимо, подруга переваривает информацию...

– Ого... Так полез или показалось?

– Ну, впечатление было именно такое... Странное.

– А ты?

– А что – я?

– Тоже полезла, или убежала? – Вера представила, как Ника ерзает на стуле от любопытства, наверняка, даже носом в экран уткнулась.

– Мне бежать было некуда. На стуле сидела, а он меня к этому стулу практически прижал...

– И? Не томи уже, рассказывай... А то я сейчас изведусь вся...

– Да нечего рассказывать. Пригрозила, что по морде съезжу.

– Ой, мама дорогая! Не могу! И что? Он поверил? Ты даже комара прихлопнуть с первого раза не можешь, а тут мужику грозить начала... Или он такой, хлюпенький? Признавайся? Если мелкий и хлюпкий, тогда – правильно! Нам такие ни к чему!

– Ничего он не хлюпик... Нормальный...

– Мда? А говоришь, ничего не замечаешь...

– Иди нафиг, Ник! Я с ней поделиться хотела, а она скоморошничает. Больше ничего не скажу! – Вера в сердцах даже ноутбук отодвинула... Вскочила с кровати, сделала пару кругов по комнате, вернулась на место. Новое сообщение уже подмигивало.

– Ладно, больше не буду. Честное пионерское! Рассказывай дальше. Я пока буду молчать и думать. Ни о чем не скажу.

– Да как бы и нечего больше, если честно... Я ему нахамила слегка, и больше к теме не возвращались. Он, вроде, понял, что был не прав, и ведет себя нормально. Ужинать позвал, а я не пошла, практически послала подальше... Теперь вот сижу и стыжусь своего поведения.

– Стоп-стоп! Как это – ужинать? Он тебя уже по ресторанам водит?

– Нет... Я пока живу у него дома... Здесь проблема квартиру найти, снять гостиницу – тоже.

Снова – пауза. Вероника готова была поклясться, что подруга присвистнула и зависла, перед тем, как набрать ответ.

– Охренеть! Подруга, так с этого и нужно было начинать!

– Ничего не нужно. Мне уже ищут квартиру, как только найдут – перееду.

– Я бы не торопилась... Если обстоятельства так складываются, нужно их использовать на полную катушку. Давай-ка, дорогая, не теряйся там. Глядишь, и выйдет что полезное. А то просидишь до старости в обнимку со своим Михаилом.

– Ника! Да сколько можно-то? Ты прекрасно знаешь, что я никогда не сделаю ему больно или плохо.

– А ты не делай. Пофлиртуй немного, насладись вниманием крутого мужика, а потом вернешься домой, как ни в чем не бывало. Мишке и знать ни о чем не стоит.

Ника всегда считала, что флирт – лучшее, что могла придумать природа для поддержания организма в тонусе. И никогда себе не отказывала в маленьких шалостях, ни к чему не обязывающих. Пыталась научить этому Веру, но пока – безрезультатно.

– Да ну тебя, с твоими советами... Вот знала же, что ничего хорошего не предложишь.

– Это потому, что ты у меня – дурочка наивная. В старости вспомнишь мои наставления, да поздно будет...

– Ладно, спасибо, что не послала к черту. Пока, дорогая, спокойной ночи. Мне еще Мише нужно позвонить.

– Лучше бы с шефом своим горячим помирилась, дурочка. Ладно, целую тебя, спокойной.

И отключилась.

Вероника еще долго сидела, гипнотизируя экран, пытаясь привести мысли в порядок. Беседа с подругой этому не помогла, а внесла еще больший раздрай и сумятицу. Вера терпеть не могла находиться в таком состоянии.

Захлопнув ноутбук, девушка набрала номер Миши. Он ответил с первого же гудка, словно сидел в ожидании. Она не сомневалась, что именно так и было.

– Привет, моя хорошая. – Словно обдало теплым воздухом, таким родным и милым был его голос. – Я скучал, думал, уже не вспомнишь...

– Привет. Разве можно о тебе забыть, весь день помнила. – Все заботы растаяли, будто по мановению руки. Вот он – хороший, добрый, любящий. Готовый услышать и поддержать и днем, и ночью. А все, что Ника придумывает – ерунда, откуда ей знать, каково это – чувствовать, что у тебя есть дом, который всегда ждет свою хозяйку, и это чувство нельзя ни на что променять...

– Люблю тебя, малыш. Ощущение, что уже два месяца прошло, а не два дня...

– Миш, ну ты же раньше меня уехал... Уже не два дня, а две недели скоро будет.

– Тогда я знал, что ты дома, а теперь еще дальше стала. Совсем тоска. Я в этом Питере скоро взвою, погода мерзкая, на работе застой, вообще никуда не двигаемся, и ты далеко.

– Угу. Скоро вернемся. И ты, и я. Правда же?

– О, да! И больше ты у меня никуда не поедешь. На крайний случай, с собой утащу, но одну, к черту на кулички – не пущу.

– Миш, я сама надеюсь, что больше кататься не придется.

– Ага. А если придется – пойду сам разговаривать с вашим Палычем.

– Ох, и ты туда же... Может, я сама как-нибудь разберусь? Все-таки, это моя работа...

Металл в голосе проявлялся всегда, когда Михаил пробовал вмешаться в её рабочие проблемы. Он считал, что это нормально, когда мужчина защищает интересы своей женщины, а у Веры было совершенно другое мнение на этот счет. Моя работа – мои проблемы. Это было единственным серьезным камнем преткновения в их разговорах.

– Ну, хорошо. Посмотрим. Но – предупреждаю: начнут обижать, всех на клочки порву!

– Я знаю, пока не стоит...

За милым трепом пролетело полчаса, потом еще столько же... Вера засыпала, полностью умиротворенная: голос Миши успокоил и привел в равновесие все, что дрожало и ворочалось внутри. Больше никому не удавалось так на неё действовать.

Дэн засыпал в мрачном настроении, проснулся – немногим лучше. Девчонка вечером так и не снизошла до его скромной персоны, так и просидела в комнате, не показывая носа. Ему становилось мутно при мысли, что и утром придется наблюдать кислое выражение лица и делать вид, что ничего не было. Еще из старой жизни он помнил, как погано начинать день в таком вот тягостном молчании, перемежаемом искусственными улыбками и поддельным интересом.

Но, как бы то ни было, сам себе гостю навязал, сам обидел её, или испугал (с этим фактом он, скрепя сердце, согласился), значит, самому и терпеть придется.

Уже на кухне, заваривая кофе, он слышал, как девушка прошлепала в ванную, что-то бормоча на ходу (видимо, спросонья за косяк зацепилась), и неосознанно заулыбался. С этим настроением и встретил её в дверях.

Она, словно забыв о вчерашней размолвке, тоже улыбнулась в ответ, что-то пробормотала, отдаленно похожее на приветствие, и плюхнулась за стол.

– В холодильнике йогурт есть. Я попросил соседку, она вчера кой-чего еще прикупила. Посмотри сама. – Он не мог отвлекаться, боялся, что сгорит омлет.

– Денис, ты такой молодец, все-таки... – Он застыл, настороженно, ожидая продолжения, не зная, к чему готовиться...

– Да? А в чем конкретно? – Вопрос был адресован к узкой спине и взъерошенному затылку, хозяйка которых уже залезла в нутро белого гудящего монстра.

– Я думала, холостяки не завтракают, или едят какой-нибудь ужасный фаст-фуд...

– Ага. Лапшу "Доширак", пельмени, прямо из упаковки, незамороженные, и запивают все это пивом из горла... – Он выключил газ и повернулся к Вике, насмешливо разглядывая в упор. Хотел видеть, как среагирует на подколку – снова замкнется, или поддержит? И пожалел: она, не глядя на него, сосредоточилась на баночке с йогуртом, в которой уже были намешаны какие-то хлопья, ягоды, выбирая самое вкусное, с аппетитом облизывала ложечку, а вслед за ней – губы. При этом сонно жмурилась от удовольствия... Денису пришлось сглотнуть комок, вставший в горле, и отвернуться, чтобы ненароком не выдать, как его взволновала картинка.

– Ну, не так страшно, конечно, я все это представляла... Но, максимум – это растворимый кофе или чай и пара бутербродов. А ты прямо завтрак настоящий готовишь. Мне даже стыдно пользоваться твоим гостеприимством. Только, если на меня святую обязанность переложить, я обязательно просплю, и мы обойдемся одной кипяченой водичкой...

Эта тирада была выдана с очень горестной миной, голова девушки с трудом поддерживалась кулачком, а сама она явно еще просыпалась. Может быть, оттого и была столь дружелюбной.

– Ну, ничего страшного. Зато ты вечером меня спасла. Иначе, так бы и остался до утра в кабинете. – И снова напрягся, мысленно выругав себя за то, что напомнил про не очень приятные события.

– Да ну, ерунда какая... Ты же часа три там сидел, безвылазно. Мы с ребятами, если случается аврал, всегда перерыв делаем. Кто первый вспомнит про чайник или кофеварку, тот всем остальным и наливает. Хохма бывает: всем уже хочется сделать перерыв, а бегать вокруг чужих столов не хочется. И все сидят, мучаются... А я не ленивая, могу и поухаживать...

Денису, как будто бы, и полегчало – не заострила внимания на инциденте, и в то же время – грустно, от понимания, что эта её забота была лишь данью привычке...

Так, вопреки ожиданиям, утро началось тихо и умиротворенно. Денис не хотел себе признаваться, что завтракать (как, впрочем, и ужинать) намного приятнее. Понимал, что закончится, рано или поздно – так и незачем привыкать.

Тихое спокойствие закончилось, когда он уже стоял на выходе, поправляя шарф под дубленкой, а Вика выплыла из комнаты... Сначала Дэн решил, что ему показалось, из-за неяркого освещения. Оглянулся. Нет, все так: Вика зачем-то решила нарядиться в костюм с юбкой, с трудом прикрывающей колени. Пиджачок тоже – больше обрисовывал, чем закрывал. Волосы собраны в какую-то хитроумную прическу, полностью обнажающую тонкую шею... Нет, конечно, все – очень прилично, однако же...

– Что сегодня за праздник? – Постарался, чтобы голос был ровным, вроде бы, получилось...

– Что? – Вика в это время подошла к зеркалу и аккуратно подвела губы неяркой помадой. Полюбовалась в отражение, и только потом повернулась к Денису.

Он с трудом пришел в себя от ... наглости или игнора? Вспомнил, о чем спрашивал...

– В честь кого такая нарядная?

– А, в честь поездки к какому-то чиновнику, Евгений обещал взять с собой...

– Это что у нас за чиновники такие важные, для которых ты решила в юбке по морозу шляться?

Вика подняла удивленные глаза:

– Мы же на машине будем... А потом в офис. Что тут такого?

– Ничего.

Денис кипел, но старался держаться. Потому что, действительно, повода для злости, как будто и не было. Кроме одного.

Он старался не думать об этом, помогая накидывать шубку (видимо, она и была причиной размеров чемодана), и даже успокоил себя, что ничего страшного в том, что ради какого-то

старпёра в кабинете она так вырядилась, а ради него – нет; и промолчал, наблюдая, как она возится с молнией на сапожках...

Но, уже сидя за рулём и наблюдая, как она прикрывает колени разъезжающимися лапами шубы, не выдержал:

– А ты в курсе, что Евгений женат?

– Конечно. Он вчера мне все уши прожужжал про свою Анюту и ребятишек. Даже фотки показывал. Классный, наверное, из него отец. А что?

– Да так, к слову пришлось. – Злость должна была уйти, и крыть было нечем – слишком честными глазами Вика смотрела на него. Но внутренний раздрай никак не хотел утихомириться.

– Денис, что-то случилось? – Девушка первой не выдержала напряженного молчания.

– Да нет, ничего. Я о работе думаю.

– Извини, что отвлекаю. – Видно было, что не поверила, но докапываться не стала.

– Ты вчера успел разобраться в условиях? Я, если честно, текст нашла, но сил уже не было... Не стала насиловать мозг...

– Разобрался. Ты права была – достаточно сделать перерыв, и все становится намного понятнее...

– Опять всю ночь работал?

– Да нет, где-то до часу... Потом прекратил.

– Денис, а тебе обязательно одному во всем разбираться? Ты же себя загонишь так... А твои сотрудники счастливо разбегаются по домам, пока ты сидишь и работаешь...

Двойное ощущение накрыло Дениса: вроде бы, и приятна забота, мало кто из подчиненных вспоминал, что шеф – живой человек, и тоже хочет отдыха; а с другой стороны – какое дело этой выскочке до его проблем? От неопределенности внутри самого себя Дэн опять начал заводиться. Веронику спасло только то, что они уже подъехали на офисную парковку, больше похожую на снежное поле – почему-то сегодня никто не озаботился уборкой снега...

Вероника уже потянулась к ручке двери, как он её остановил:

– Стой! Подожди, помогу выбраться. Утонешь ведь, вся в снегу изваляешься, потом суши тебя, вместо работы. – Прозвучало ворчливо, девушка нахмурилась, но послушно ждала, пока он обойдет автомобиль и поможет ей выбраться.

Протянула руку, чтобы опереться об него, но Дэн лишь отмахнулся.

– Держи свою сумку крепче, чтобы не рыскать за ней по сугробам. – Подхватил за талию и вынес поближе к центру, где снег был уже притоптан шинами автомобилей и ногами сотрудников. Благо, что темень на дворе – хоть глаз выколи, и никто не заметил, как развлекается шеф по утрам.

И Дэн, к сожалению, не мог рассмотреть лица Вероники, которая, почувствовав твердую землю под ногами, лишь потупилась и пробормотала:

– Спасибо...

– Не за что.

На совещании он быстро забыл и про девушку, и про заботы, с ней связанные: дел хватало и без того. Поэтому не обратил внимания, когда и куда она пропала. Просто закрылся в кабинете с руководителем проектного отдела, юристом и их приспешниками. Как и ожидалось, в документе вылезла масса подводных камней, и на то, чтобы их обнаружить, потребовалась масса времени. Денис привычно гонял подчиненных по каждому пункту, нарезая задачи, просматривая все строчки по сотне раз, въедливо и дотошно, забыв про время, про то, что пора бы людей отпустить на перерыв, и про то, что за дверью могла столпиться очередь из желающих попасть к шефу на глаза. Секретарша сидела рядом и фиксировала все замечания. Некому было встречать и привечать страждущих...

Но все в его офисе и без этого знали: если дверь закрыта, ломиться нельзя, кара настигнет непременно.

Поэтому, когда раздался стук, а следом за ним, без разрешения, в дверь просунулась довольное румяное лицо Вероники, Денис отреагировал немедленно:

– Кто разрешил? Нельзя! Закрытое совещание! – И отвернулся, уверенный, что повторять не придется. Повторения подобного рыка мог захотеть только умалишенный, или совсем отчаянный самоубийца.

И не заметил, как пропала улыбка на лице девушки, и как тихо закрылась дверь. Он сейчас жил только поиском решений нерешаемых задач.

Перерыв случился только ближе к вечеру. Дэн вышел размяться и позволил сотрудникам сбегать к кофейному автомату и покурить. В приемной не было никого, кроме Дэна и секретаря. Проскользнуло ощущение, что чего-то не хватает, но тут же было забыто, под трели телефонного звонка и шорох бумаг на столе секретарши.

– Есть что-то срочное?

– Нет, все может подождать до завтра. Я вчера постаралась подчистить все хвосты.

– Ну, и замечательно. Собирайте всех обратно. Пока бегут, гляньте, что там нападало на почту.

Новый забег отнял остатки сил, затянувшись по времени до конца рабочего дня. Только в половине седьмого Дэн распустил совещающихся по домам и снова выглянул из кабинета. Вероники не было на месте. Это показалось странным, но, загруженный мыслями, решил – оно и к лучшему, есть еще время заняться другими делами, чтобы на завтра осталось меньше проблем.

Ближе к девяти вечера понял, что нормально работать не получается: постоянно прислушивался, ожидая, что в тишине приемной раздастся стук каблучков. Вероника не появлялась.

Это становилось подозрительным, ожидание начало раздражать. С мыслью: "Что эта девчонка себе позволяет?", принялся разыскивать номер в списке контактов. Тот, как назло, находиться не спешил. Что было совсем ненормальным: Денис привык записывать все номера в строгом порядке. Почему именно этот, вдруг, потерялся?

Дэн решил не заморачиваться и набрал зама – Женьку, благо, что тот всегда висел в списке последних вызовов:

– Да, шеф, слушаю! – Бодрячком, будто и не поздний вечер.

– Где стажер?

– Рядом, трубку передать?

– Да! – Не стал ничего добавлять, опасаясь, что сейчас испепелит зама злостью.

Раздалось шуршание, невнятный шум голосов, потом четкое:

– Аллю. Вы что-то хотели, Денис Игоревич?

– Хотел. Узнать, где тебя черти носят!

Вздых, явственно слышимый в динамике, потом, все таким же выдержанным тоном:

– Мой рабочий день закончился в шесть вечера. В это время я была в офисе. Чем я занимаюсь сейчас – мое личное дело.

Денис поймал себя на том, что зубы уже скрипят, удерживая внутри рвущийся вопль. Постарался выдохнуть и не орать – негоже показывать гнев подчиненным.

– Вика, я еще раз спрашиваю: где ты находишься?

– А я Вам повторяю: это не Ваше дело. Сообщите, пожалуйста, когда мне можно будет попасть в квартиру. Раз уж позвонили. Сама Вас тревожить не рискнула.

За этот показательно – официальный тон захотелось придушить выскочку. Повезло, что далеко. А трубка ни в чем не виновата, иначе, уже летела бы в стену.

– Дай телефон Евгению. – Дождался, пока раздастся встревоженный голос парня. – Жень, вы сейчас где?

– Мы в "Мечту" заехали, перекусить.

– За-ме-ча-тель-но! А Аня в курсе?

– Конечно, шеф, обижаете. Она мне сама и посоветовала накормить человека, да и самому голодным не мотаться. Была бы дома с ребятами – я бы Вику и к нам отвез. Но они умотали к бабушке на три дня...

– А зачем вы мотаетесь в ночи?

– Так... Мы это... – От напора в голосе шефа, парень, похоже, слегка растерялся. – Квартиру Веронике смотрели. Я взялся её провезти, чтобы одна по городу не болталась...

– Ясно. Сидите там и ждите меня.

– Вас понял шеф. Будет сделано.

"Вот же, мать её, самостоятельная! Сказал же- найдем, подожди... Нет, ей срочно самой потребовалось искать... Надрать бы ей задницу за упрямство..." Все это крутилось в голове у Дениса, усиливая злость и раздражение, пока он гнал на максимально возможной скорости к "Мечте". "Еще и название-то какое, дебильное... Не могли ничего поприличней сыскать..." Факт, что это – лучшее заведение в городе, где справлялись все корпоративы, благополучно был стерт из памяти.

Влетал в кафе на всех парах. Вероника о чем-то мило беседовала с Женькой, не замечая приближающейся грозы. А вот парень увидел и напрягся. Девушка, видимо, тоже что-то поняла, но даже не обернулась, чтобы проследить за его взглядом. Дождалась, пока начальник практически не повис над столом. И только тогда удостоила его мимолетным взглядом.

– Вика, вставай, поехали. Жень, спасибо, что помог стажеру, молодец. На сегодня можешь быть свободен.

Тот сообразил очень быстро – закинул крупную купюру в папку со счетом, попрощался и, стараясь не очень демонстрировать скорость, удалился.

А Вика даже не дернулась – продолжила, как ни в чем не бывало, что-то потягивать через трубочку в бокале.

– Вика, я жду. Поехали.

– Спасибо, Денис Игоревич, я сама доберусь. Не стоило беспокоиться.

– Вика. Не заставляй меня повторять.

– Я не заставляю, товарищ начальник. Только, напомню, у меня сейчас – нерабочее время. Что хочу, то и делаю. А сейчас я хочу допить свой коктейль. Очень вкусный и питательный, между прочим.

Денис понял, что требованиями ничего не добьётся. Применять силу к женщине, да еще и при толпе народа – как-то не по-мужски и несолидно. Хотя, конечно, желание наподдать по заднице никуда не делось.

Решил присесть за столик – на них уже начали оглядываться, не хотелось разогреть интерес скользящей публики.

– Вика, может быть, объяснишь, в чем дело?

Недоумевающий взгляд:

– Что именно я должна объяснить?

– Почему ты со мной споришь и сопротивляешься нормальным, адекватным просьбам?

– Потому что мне Ваши просьбы не нравятся.

– Ты ничего не забыла, ни с кем не путаешь меня?

– С моей головой и памятью все нормально. Только вот, за последние полчаса не прозвучало ни слова о работе. В остальном я Вам подчиняться не обязана.

– Значит, решила показать характер?

– Мне кажется, это Вы что-то пытаетесь мне доказать. Только не пойму, что именно и с какой целью.

Парировать было нечем.

– Хорошо. Я тебя понял. – Хотя, конечно же, пообещал себе, что непременно вспомнит ей эти взбрыки, при удобном случае. – Рассказывай, что сегодня успели сделать... И зачем ты ломилась ко мне в кабинет посреди совещания?

– Во-первых, я не ломилась. Постучала, а потом заглянула. Во-вторых, если не хотите, чтобы Вам мешали, закройте дверь на ключ или повесьте табличку " Не беспокоить"... А в-третьих, завтра приду и обо всем отчитаюсь. В устном и письменном виде...

– А сегодня вообще ни о чем разговаривать со мной не собираешься?

– Нет. – Без тени сомнения выпалила.

– Неожиданно. Почему?

– Потому что мне вполне хватает общения с Вами с девяти до утра до шести вечера. Вы, Денис Игоревич, разве не знаете, что подчиненные не любят злоупотреблять вниманием начальства?

– Вика, да что с тобой случилось-то, опять? Какая муха на этот раз укусила?

– Никакая. Просто учусь держать дистанцию. Раз Вы этого не умеете, придется заняться вопросами субординации и разграничения личного и делового пространства мне самой.

– Не понял сейчас, поясни. – Денис машинально вытащил трубочку из отставленного Викой стакана и начал крутить в руках, выкручивая из неё узлы.

– Да нечего объяснять, товарищ директор. Вы сегодня рыкнули на меня ни за что, ни про что. Я догадываюсь, что нарушила какие-то правила... Только мне их никто не потрудился сообщить. Я терпеть не могу, когда чувствую себя без вины виноватой. А у Вас очень хорошо получается это чувство внушить. Поэтому, будет вполне достаточно общаться по восемь часов в день. Этот срок я уж, как-нибудь, выдержу...

– Ясно. Это ты, таким образом, намекаешь на то, что виноват был я. Правильно? – Дэн почувствовал, что снова начинает закипать. Только подумать: обиделась. За то, что прикрикнули на неё. Так не нужно лезть без разрешения туда, куда не звали! И вообще – что за претензии со стороны подчиненной?

– Я Вам сейчас не намекаю ни на что, а говорю прямым текстом: меня не устраивает то, как Вы себя ведете. Даже Ваш статус начальника не позволяет Вам повышать на меня голос. Если все остальные привыкли и терпят – сочувствую им. А я не собираюсь.

– А тебе не кажется, Вика, что ты слегка приборзела? – Тон был обманчиво-мягким, но внутри у мужчины уже все звенело от злости. Такой наглости, на его памяти, за последние лет десять уже никто себе не позволял.

– Мне кажется, что это Вы тут себя почувствовали царем всея города и империи, забыв, что у Вас работают люди, которые достойны нормального, человеческого отношения. – Вика старательно выдерживала спокойный тон, однако, он видел, как её руки подрагивают от напряжения. И голос ломается, еле заметно.

– А не может быть так, что ты сама провоцируешь такое к себе отношение? Может быть, с остальными я себя по-человечески себя веду?

Тут она расхохоталась в голос, издевательским смехом:

– Ой ли? А кто сейчас Женьку отправил подальше, да так, что он улетел, не оглядываясь?

– Он просто понял, что будет мешать, и разговор для его ушей не предназначен.

– Да что Вы? А кто-нибудь спросил, кто здесь кому мешает-то? Может быть, это Вы здесь -лишний, а мы без Вас прекрасно проводили время? Между прочим, обсуждали массу интересных вещей, он мне про историю города рассказывал...

– То есть, это я вам помешал?

– Конечно. Открою Вам страшную тайну: мир не только вокруг Вас вертится. – Она уже практически шептала, проникновенно глядя ему в глаза. И откуда бралась только смелость?

У Дениса ходили желваки, от того, как крепко он стиснул зубы, чтобы не заорать. Вот же, дура-то наглая! Нарывается, просто на глазах роет яму себе и своему спокойствию. " Я

тебе, нахрен, покажу, вокруг какой оси весь мир вертится!" – Эта мысль застряла в голове, и теперь крутилась, повторяемая на разные лады. Как ни странно, она же и успокоила – Денис ухмыльнулся самому себе и новой идее, испугав этой ухмылкой девушку. Во всяком случае, она затихла, настороженно вглядываясь в его лицо.

– Я понял, Вика... Мир, конечно же, должен крутиться только вокруг тебя... Не правда ли? Поэтому ты и психуешь так, что тебе не хватило внимания? Теперь послушай мой совет, девочка. Такими темпами ты долго не протянешь. Будешь послана подальше своим мужчиной, а с работы уволена. Учись вести себя прилично.

– И снова – пальцем в небо... Мир, в общем-то, сам по себе живет. И я не требую ничего внимания. Достаточно элементарной вежливости. Уволить меня Вы не сможете – не Вы принимали, и юридически – не Ваша подчиненная. А с личной жизнью я как-нибудь сама разберусь, без Ваших советов.

Неприятно было осознавать, что снова ошибся: выплеск эмоций, который устроила девушка, чем-то напомнил ему Дарину, которая вечно пыталась побольнее уколоть, чтобы привлечь внимание и добиться своего. Признание того, что она – центр Вселенной, миготом успокоили бы жену. Вику не успокоили. Ситуация становилась все более непонятной, но желание усмирить и успокоить норовистую девчонку только разгоралось.

– И ты решила показать мне мою неправоту таким вот странным способом?

– Каким?

– Куда-то уехала, не предупредив, сейчас на мне злость срываешь... А повод-то был смешной...

– Я никому ничего не показываю. Просто хотела провести время так и там, как я сама захочу. А не так, как Вы скажете. Вот и все. – Вика, похоже, выдохлась, запал иссяк, и голос звучал уже глухо и тускло. Оттого еще больше били по нервам ее слова.

– Я так тебя утомил за несколько дней? Странно, еще никто из сотрудников так быстро не уставал от моей компании.

– Да? А сколько из них жило с Вами в одной квартире? Да так, что об этом за один день стало известно всей фирме? О том, что Вы привозите и забираете с работы? Что сидите вдвоем допоздна? Сколько их было, таких, неуставших? – Похоже, что Вику задело за живое: она почти кричала на него, в возмущении...

– Это что, ревность, что ли? Хочешь подчеркнуть свою исключительность?

– Хочу сообщить, что меня это достало!!!

– Что именно?

– Да на меня уже косятся! За спиной хихикают и шепчутся, захожу в какой-нибудь отдел – резко замолкают. А вечером ко мне подкатила дамочка, не помню имени, такая, вся в мелких локонах, чернявая, и прямо спросила – на чье место меня собираются сажать, раз так издалека выписали?

– Мне кажется, Вика, ты преувеличиваешь...

– Да мне без разницы, что Вам кажется. Я говорю о том, что мне так работать некомфортно, и я не хочу, чтобы окружающие подозревали в том, чего нет и быть не может.

Денис прищурился задумчиво, усмехнулся, помолчал...

– Ты знаешь, иногда люди возмущаются очень сильно, когда их обвиняют в том, чего им самим очень хочется, где-то глубоко внутри... Но они даже сами себе в этом никогда не признаются....

Вика нахмурилась, в явном недоумении... Потом ахнула:

– Что? Это на что Вы сейчас намекаете?

Снова усмешка:

– Ни на что. Просто мысль такая возникла неожиданно. Решил озвучить. Интересно твое мнение по этому поводу. А что тебя так возмутило?

– Ничего.

– А поподробнее? Я прекрасно понял, что тебя что-то очень не устроило, расскажи.

– Нет.

– Почему?

– Мне надоело с Вами разговаривать.

– Вот как?! – Эти внезапные переходы начали изрядно раздражать. Ну, и веселить, конечно, совсем чуть-чуть...

В ответ – молчание. Зато она повернулась, вызвала официанта и заказала себе еще один коктейль. Молочный, как оказалось. Денис, грешным делом, подумал, что смелость девушки изрядно подпитана алкоголем. Сообразив, что на мирный ужин в домашней обстановке сегодня можно не рассчитывать, он заказал пару блюд и себе. Вика на это никак не среагировала. Просто уткнулась в телефон.

Это сначала показалось забавным, однако, минут через десять начало раздражать.

– Вика, ты так и будешь копать в своей игрушке? Может, хотя бы из вежливости, придержи разговор?

Издавательски поднятая бровь, холодный, надменный взгляд (откуда что взялось?) – это все, что ему в ответ досталось. А потом она снова опустила глаза к экрану.

– Вик, прекрати! Отниму же, и до завтра не отдам!

Она отключила трубку, вырубив питание насовсем, и молча положила на стол. Пододвинула к нему поближе. "На, мол, бери. Не жалко".

Откинулась на спинку, сложила руки на груди и начала оглядываться по сторонам. На шефа усиленно не смотрела. Потом нашла взглядом телевизор, развернула стул и принялась так же сосредоточенно следить за картинками. Неважно, что это были новости, и работал телик без звука...

Официант, между прочим, удостоился вежливого "спасибо".

Это "спасибо" было последней каплей, переполнившей чашу терпения Дениса.

– Ну, и как мы будем дальше жить, с таким поведением?

– Нормально. Я – отдельно, Вы – отдельно. Как все Ваши работники живут.

– Вика, что нужно сделать, чтобы ты прекратила так себя вести?

– Как?

– Демонстративно игнорировать своего шефа и хозяина квартиры, в которой живешь, раз уж так вышло.

– С шефом буду разговаривать о рабочих моментах. А квартиру постараюсь сменить. Как можно быстрее.

– А до этого?

– До этого Вам стоило бы, для приличия, извиниться.

– За что?

– За свое поведение.

– Я считаю, что мне извиняться не за что.

– Окей. На этом разговор можно считать оконченным. До завтра. Оставьте мне ключи от квартиры, я постараюсь вести себя тихо и на глаза не попадаться. Так устроит?

– Вика! – Он с грохотом треснул ладонью по столу. – Да сколько можно-то? Хватит выделываться! Как тебя муж-то терпит? А Палыч, он что, совсем слепой?!

– В отличие от Вас, Денис Игоревич, они границ не переходят, поэтому им терпеть меня не нужно. Я с ними очень мило себя веду. Ключи. Я жду.

– Вик, тебе действительно так тошно находиться рядом со мной и просто по-человечески поговорить? – Дениса одолело болезненное любопытство: когда знаешь, что можешь услышать гадость в ответ, а спросить все равно хочется, просто невозможно не спросить.

– Когда по-человечески – не тошно. Только у Вас очень редко так получается. Все время путаете время и место, и корону свою императорскую забываете снять. А у нас на дворе век – двадцать первый, и холопов с крепостными, как бы, давно уже нет.

– Вот именно, Вероника, что "как бы"... – Дэн усмехнулся невесело. – Большинство забывает об этом, и позволяет вести себя, порой, по-свински... А к безнаказанности привыкаешь. И заносит, поэтому, на поворотах...

Девушка молчала, ожидая продолжения речи.

– В общем, извини. Был неправ и днем, когда рывкнул, и сейчас не очень корректно себя вел. – Странное ощущение неправильности происходящего не покидало: ведь знал же, что извинения только усугубят проблему. Любая женщина, после того, как мужчина признает свою вину, начинает этим откровенно пользоваться, и чем дальше, тем сложнее вернуть её к норме.

– Хорошо. Я рада, что Вы поняли.

Денис уставился на неё изумленно:

– И все?

Теперь уже она изумилась:

– Что – "все"?

– Ты даже не станешь рассказывать мне еще три часа, в мельчайших подробностях, какой я скотина, и как изранил твою нежную душу?

– Ну, Вы же взрослый человек, и далеко не глупый. Сами все поймете, я надеюсь. А если не поймете – что ж, тогда – полная безнадега, я уже помочь все равно не смогу...

Дэн решил, что самым разумным будет закрыть эту тему, и просто спокойно поесть. Телефон вручил Вике обратно, она без слов забрала. Даже умудрились обсудить качество и особенности местной кухни. Денис признался, что безумно скучает по хорошей пицце, которую местные повара отродясь не видывали, и пытались подсунуть какие-то лепешки, обильно сдобренные кетчупом и почти без начинки. Вика посочувствовала.

Домой собирались уже без прений. Даже во время разговоров ни о чем, Денис не забывал о том удивлении, которое вызвала готовность Вики извинить его, не требуя доказательства, словом и делом. И это её доверие было... как подарок, что ли... Нет, конечно же, он считал, что доверия достоин, и всегда это подтверждал, доказывал, боясь накосячить и подвести того, кто его оказывал. Но чтобы вот так – авансом... Ему было трудно вспомнить, когда в последний раз такое встречал... И понимал, что такой аванс – обязывает, очень и очень.

– Что там у вас получилось, квартиру, хоть какую-нибудь, нашли?

Вика, немного потеплевшая за эти полчаса, как-то погрустнела...

– Что, все так плохо? Или очень дорого? В бюджет не влазишь? – Не дождавшись ответа, не выдержал, уточнил.

– Да их нет, практически... А те, что есть, абсолютно пустые. Ни мебели, ни бытовой техники... На полу спать я, предположим, смогла бы... И даже стирать руками... Но вот без утюга, плиты и холодильника – совсем беда...

– Не дури. Спать она собралась на полу... Кто тебе разрешит?

– Я пошутила.

– То-то же...

– Я бы купила надувной матрас...

– Вот что ты за человек, Вероника? Я с ней по-человечески пытаюсь, а она хохмит...

– Ничего подобного. Я когда-то снимала квартиру без мебели, и нормально себе на матрасе спала... И теперь не развалилась бы...

– Ясно. А если подождать и поискать что-нибудь получше? Я же тебе сразу говорил, что здесь проблема со съёмным жильем, тем более, что указание заняться поисками уже дано. – Денис не лукавил: он, действительно, озадачил секретаря, и теперь ждал от неё результата. Правда, без особой уверенности в том, что он будет.

– Ага. Я в курсе. Ваша Мегера Петровна дважды вычеркивала в ежедневнике и переносила запись "Позвонить риэлтору". Судя по тому, что запись переехала и на завтрашний день, она так еще и не звонила...

– А за что ты так ее назвала? Вроде, нормальная женщина...

– Ага. Когда шеф поблизости. А стоит ему убраться с глаз – тетку распирает от осознания собственной значимости...

Горечь послышалась в её словах...

– погоди, она что, чем-то тебя обидела?

– Пффф... Зубы у неё не так заточены, чтобы меня зацепить. А вот мстить по-мелкому будет, наверняка. Так что, квартиру искать мне придется самостоятельно...

– Даже так? А ты её чем зацепила?

– Ничем. – Вика вздернула бровь и слегка покривилась. – Просто напомнила, что директор и помощник директора – несколько разные вещи, и меня сюда направили не для того, чтобы я по её указкам бегала.

– И что? Она так сильно на это обиделась?

– Нет, не на это...

– А на что?

– При разговоре присутствовало еще человек десять... И они все противно потом хихикали. Я даже пожалела о том, что не выдержала и не промолчала...

Глава 4

Осторожное перемирие продолжалось еще пару дней. Денис, помня о том, как девушка активно указывала на рабочий характер отношений, старался побольше молчать и поменьше язвить. Его совершенно не радовала идея, что Вероника соберет вещи и отчалит куда-нибудь, спать на полу, или на резиновом матрасе. Будь на её месте какой-нибудь Женька, Дэн и не подумал бы заморачиваться... А почему беспокоило то же самое, связанное с Викой... Он предпочел думать, что просто жалеет девушку. Хотя, тут же сам себе и признался, что это ерунда, просто девчонка ему нравится. Не любил врать самому себе.

Девушка, между прочим, осталась верной сама себе: только на следующий день, уже в офисе, призналась, что визит к чиновнику оказался удачным. То, что старый ленивый козел подписал разрешение, за которым Евгений охотился уже несколько недель, Дэна удивило и порадовало. Он, признаться, уже подумывал, сколько придется "откатывать", и каким образом: в их городке за места держались, и открыто брать взятки побаивались. Приходилось не только раскошеливаться, так еще и методы безопасные изобретать. А тут – на тебе, договорились...

– И как же вам это удалось? Женька накинуд удавку на шею, пока ты отвлекала, а потом подпихивала ручку и документы? – Дэн шутил, скрывая под язвительностью, как его уколол успех девчонки.

– Да никак, в общем-то... – Вика, похоже, растерялась. – Там нормальный дядечка, только старенький очень, и одинокий. Общения ему не хватает, мне кажется. Мы полчаса трепались ни о чем, про его детей, внуков, про дачу где-то на юге... А потом он предложил нам чайку (Женька, дурачок такой, чуть не отказался), и под печеньки уточнил, что мы от него хотели. Оказалось, он за это время забыл, зачем мы, вообще, приперлись, представляете? – Девушка с искренним удивлением улыбнулась.

– Нет, не представляю. Ощущение, что ты мне про какого-то другого человека рассказываешь...

– Да про него, про него! Просто, вы с Евгением постоянно прете напролом, и не замечаете, что он просто пообщаться хочет. И ощутить собственную значимость...

– А ты его, значит, этим ощущением одарила? Да ты, как посмотрю, очень даже непроста... Ничего просто так не делаешь... – Дэн с удивлением, в который раз, как в первый, смотрел на девушку. – Не знаешь, чего еще ждать и на что рассчитывать. Манипулируешь тихому, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.